Годъ VI. 13 октября 1929 года. **№ 41.**

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЦЕРКОВНО-НАРОДНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Адресъ Редакціи: Warszawa (4), Zygmuntowska 13. „Woskresnoje Cztienje".

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкой и пересылкой 24 злотыхъ, на полгода 13 злотыхъ, на 3 мѣсяца 7 злотыхъ, на 1 мѣсяцъ 2 зл. 50 гр.; отдѣльный номеръ 75 грошей. **Заграницу:** на годъ 3 доллара, на полгода 1 долл. 75 центовъ, на 3 мѣсяца 1 долларъ, на 1 мѣсяцъ 50 центовъ; отдѣльный номеръ 20 центовъ.

ЦѢНА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ: страница—100 зл., 1/2 стр. 55 зл., 1/4 стр.-30 зл., 1/8 стр.-20 зл., 1/16 стр.-15 зл. Многократныя объявленія помѣщаются со скидкой по соглашенію съ Редакціей. РУКОПИСИ безъ обозначенія гонорара считаются безплатными. Непринятыя рукописи возвращаются по желанію авторовъ за ихъ счетъ.

Разныя извѣстія.

РАЗВИТІЕ ЦЕРКВЕЙ ВЪ АМЕРИКѢ.

Абсолютная американская свобода присвоена не только христіанскимъ церквамъ, но также и ихъ противникамъ, ведущимъ ожесточенную противохристіанскую пропаганду. Не взирая на то, всѣ церкви отмѣчаютъ значительный приростъ вѣрующихъ. Въ Америкѣ церковная статистика основывается на цифрѣ христіанъ, приступающихъ къ св. причастію. Такъ въ 1916 году число приступившихъ ко св. причастію во всѣхъ церквахъ составило около 42 милліоновъ. Въ 1926 году цыфра эта поднялась до 44624000, т. е. увеличилась на два съ половиною милліона. По даннымъ лишь статистики число американскихъ лютеранъ удвоилось въ теченіе упомянутаго десятилѣтія.

ПРЕСЛѢДОВАНІЕ И ИЗДѢВАТЕЛЬСТВА ВЪ РОССІИ.

Узаконенія, имѣющія цѣлью истребленіе религіи въ Россіи, оказались, повидимому, безуспѣшными, такъ какъ совѣтская власть выискиваетъ все новые способы издѣвательства надъ вѣрующими, дабы сдѣлать имъ религію противной. Изъ Полтавы сообщаютъ, что церкви трактуются тамъ наравнѣ съ театромъ и киномъ, и за всякое богослуженіе требуется взносъ платы, какъ за представленіе: священники и канторы трактуются, какъ актеры. Если при церковныхъ торжествахъ исполняются музыкальныя сочиненія, то власть требуетъ спеціальной платы, какъ за концертъ. Всякое, хотя бы мельчайшее, нарушеніе этихъ драконовскихъ правилъ влечетъ за собою арестъ священника и многихъ представителей данной церкви, которые спеціально зарегистрированы заложниками. Священники и церковные дѣятели находятся подъ надзоромъ чрезвычайки. Всѣ эти преслѣдованія не достигаютъ однако цѣли, ибо совѣтская власть хватается за средства, которыя, при всемъ своемъ цинизмѣ, являются смѣшными. Корректоры государственныхъ типографій нынѣ получили новое распоряженіе о правописаніяхъ именъ и названій, касающихся религіознаго культа. Сначала приказано корректировать имена: Іисусъ и Христосъ печатать съ малой начальной буквы. Возникъ тогда вопросъ, какъ слѣдуетъ въ этомъ отношеніи отнестись къ другимъ религіямъ. Послѣдовалъ довольно оригинальный отвѣтъ на этотъ вопросъ: Аллахъ надлежитъ печатать съ малой буквы, равно какъ и Егова, Богъ, Саваоѳъ. Имена же собственныя: Моисей, Магометъ, Будда, Зевсъ, Юпитеръ и всѣ названія божествъ классической древности надлежитъ печатать съ большой буквы. Что касается именъ христіанскихъ святыхъ, то спеціальныхъ для этого указаній нѣтъ, но если рѣчь идетъ о такихъ святыхъ въ связи съ религіознымъ культомъ, то имена этихъ святыхъ надлежитъ печатать съ малой начальной буквы. Имена евангелистовъ въ связи съ евангеліями надлежитъ печатать съ малой начальной буквы: евангелистъ лука, евангелистъ маркъ. Въ тоже время эти имена, какъ имена лицъ, надлежитъ писать съ большой буквы. Правила эти являются такими неприкрытыми издѣвательствами, что вызываютъ чувство жалости къ ихъ изобрѣтательности.

ВАТИКАНЪ И ФАШИЗМЪ ВЪ ИТАЛІИ.

Между Ватиканомъ и фашизмомъ отнюдь не существуетъ такихъ идеальныхъ отношеній, какихъ слѣдовало бы ожидать, судя по заключенію латеранскаго договора. Газеты католическаго дѣйствія конфискуются за прославленіе папы, какъ единственнаго источника правды и просвѣщенія. Когда органъ папы „Osservatore Romano" жалуется на такое положеніе вещей, офиціальный фашистскій „Impero" отвѣчаетъ съ исключительной грубостью, что газета иностраннаго государства, выходящая въ Италіи, дожна сохранять извѣстную сдержанность, ибо вообще это является страннымъ, чтобы такая газета издавалась въ Италіи и еще осмѣливалась выступать противъ государства, оказавшаго ему гостепріимство. Если „Osservatore" будетъ продолжать нападки на итальянское правительство, то въ конечномъ счетѣ не осталось бы ничего другого, какъ воспретить распространеніе этой газеты во всемъ итальянскомъ королевствѣ. Послѣ этого газета эта имѣла бы ровно 400 подписчиковъ, т. е. столько, сколько жителей въ городѣ Ватиканѣ. Еще рѣзче выступаетъ „Impero" противъ италіанскаго клерикализма. Вотъ образецъ: „Нѣкоторые клерикальные круги, всегда проживавшіе въ двухсмысленностяхъ, со времени возникновенія фашизма, находятся въ состояніи тяжелой неудовлетворенности. Такъ какъ латеранскій договоръ не способствуетъ созданію полумрака интригъ, то ясно, что клерикане предпочли бы масоновъ и соціалистовъ, нежели фашистовъ, и что нынѣ они настроены по отношенію къ фашизму гораздо враждебнѣе, чѣмъ передъ примиреніемъ. Конечно, не надлежитъ смѣшивать клерикализма съ религіей и съ вѣрующими. Клерикализмъ и въ Италіи былъ всегда грязный, трусливый, антинаціональный и всегда имѣлъ въ виду лишь собственныя выгоды и эксплоатацію. Статьи папской газеты „Impero" называетъ болтовней, лишенной критики, и оправдываетъ конфискацію газеты для юношества „Vita giovanile" за то, что въ газетѣ этой, между прочимъ, оказались такія слова: „Ни отъ какого иного властелина, кромѣ какъ отъ папы, не ожидаемъ мы истины; ни какимъ инымъ свѣтомъ не хотимъ быть озарены, кромѣ какъ его сіяніемъ; ни изъ какого иного источника не хотимъ черпать воды для утоленія жажды, кромѣ какъ изъ его источника, который содержитъ тайну вѣчной жизни". Въ этихъ благочестивыхъ словахъ „Impero" усматриваетъ подстрекательство противъ законовъ страны и противъ присяги къ безусловному повиновенію Вождю. Выступленіе это является краснорѣчивымъ: Муссолини въ итальянской жизни возносится такъ высоко надъ папой, что иногда кажется, что нуженъ былъ только латеранскій договоръ, чтобы итальянская печать начала такимъ образомъ полемизировать съ папой. „Фашизмъ", кончаетъ „Impero", сдѣлалъ для Церкви очень много и сдѣлаетъ еще больше. Освободивъ ее отъ демократіи, масонства и донъ-Стурца онъ освободитъ ее также и отъ гешефтмахерскаго ханжества, но лишь тогда, когда Церковь въ Италіи будетъ исключительно Церковью, и когда, мы это подчеркиваемъ, государство Ватиканъ не будетъ пробовать быть чѣмъ-нибудь инымъ, какъ только государствомъ Ватиканомъ". Это — голосъ не примирительный, но здравый. Клерикализмъ является всюду эксплуататоромъ религіозной тоски въ пользу земныхъ цѣлей кучки политиковъ, жадныхъ власти и достатковъ. „Impero" говоритъ, что клерикализмъ не имѣетъ ничего общаго съ религіей и вѣрующими. Если бы Муссолини удалось освободить итальянскую Церковь отъ клерикализма, то это не осталось бы безъ благодѣтельнаго вліянія на склерикализированный міръ, и Муссолини сдѣлался бы такимъ образомъ однимъ изъ благороднѣйшихъ учителей и благодѣтелей Церкви, расхищаемой по очереди захватными симоніями, непотизмами и политикоманіей.

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Годъ VI-й. 13 октября 1929 года. № 41.

Новозавѣтное ученіе Христа о Царствіи Божіемъ по притчамъ Его.

Притча о талантахъ въ примѣненіи къ нашему времени.

Въ 16 недѣлю по Пятидесятницѣ Св. Православная Церковь предлагаетъ вѣрующимъ для назиданія притчу о талантахъ (Мѳ. XXV, 14—30). Въ этой притчѣ развивается мысль о томъ, что для достиженія Царствія Божіяго необходимо старательно работать, необходимо примѣнять всѣ свои силы и способности подобно тому, какъ это дѣлаютъ люди, желающіе пріумножить свои матеріальныя богатства. Неусыпными трудами и заботами добиваются они земныхъ богатствъ, забывая о своемъ спокоѣ, о радостяхъ и довольствіяхъ. Охваченные страстью къ наживѣ, эти люди ни о чемъ другомъ не могутъ думать.

Такъ и вѣрующіе христіане должны отдаться работѣ для достиженія Царствія Божіяго, должны стараться о пріумноженіи своихъ духовныхъ талантовъ, своихъ неземныхъ способностей и силъ, неустанно упражняясь въ добродѣтеляхъ, указанныхъ Іисусомъ Христомъ въ Его евангельскомъ ученіи.

Всѣмъ намъ далъ Господь великіе духовные дары, которые покоятся въ нѣдрахъ нашей души. Мы должны только пробудить эти скрытыя силы, должны вынести ихъ наружу, на свѣтъ Божій, чтобы проявленіемъ этихъ нашихъ чудесныхъ способностей прославить всемогущаго и великаго Творца.

Какъ же мы пользуемся этими дарами? Достаточно ли проявляемъ стараній, чтобы употребить ихъ на пользу ближняго? Работаемъ ли надъ своимъ собственнымъ самоусовершенствованіемъ, какъ заповѣдалъ намъ Христосъ? Стремимся ли мы къ высокому евангельскому идеалу?

Посмотрите вокругъ себя, бросьте внимательный взглядъ на все, что творится въ наше время въ грѣховномъ мірѣ. Ледяной ужасъ заползаетъ въ наши души, замираютъ наши сердца отъ всѣхъ непередаваемыхъ страшныхъ происшествій человѣческой современной жизни.

Никто и не думаетъ работать для Царствія Божія. Проповѣдь объ этой необходимой работѣ, о внутреннемъ неустанномъ совершенствованіи, о проведеніи евангельскихъ началъ въ повседневную жизнь только что начинается. Получается такое впечатлѣніе, будто никто раньше изъ мірскихъ людей даже не думалъ, что возможна жизнь по Евангелію. При бѣгломъ взглядѣ можетъ показаться, будто никто и не зналъ раньше Евангелія, будто теперь только впервые раскрывается эта святая книга.

Да, къ величайшему сожалѣнію, раньше люди такъ и думали, что христіанская высокая мораль совершенно недосягаема для насъ, смертныхъ и слабыхъ сыновъ міра сего, что она возможна только для особыхъ избранниковъ Божіихъ, святыхъ праведниковъ и подвижниковъ, для монаховъ, отрекшихся отъ всего мірского и земного. Вотъ въ какомъ ужасномъ заблужденіи жилъ до сихъ поръ человѣческій міръ. Съ одной стороны—Богъ и Его немногочисленные служители и послѣдователи. Съ другой стороны — князья міра сего и великое множество ихъ прислужниковъ, подобострастно падающихъ къ ихъ ногамъ. Въ первомъ случаѣ самоуглубленіе и подвижничество, уходъ отъ міра въ пустыни и монастыри. Во второмъ случаѣ полная нравственная разнузданность, злобный эгоизмъ, ненависть, братоубійственная бойня и безбожіе. Гдѣ же тутъ было подумать о развитіи своихъ духовныхъ способностей и силъ! Звонъ церковныхъ колоколовъ будилъ грѣховный міръ только въ великіе двунадесятые праздники. Люди міра сего шли въ храмы Божіи изъ любопытства, для развлеченія, чтобы послушать хорошее пѣніе, полюбоваться красивымъ голосомъ протодіакона и блестящими облаченіями священно-служителей. Иногда къ этому присоединялось еще желаніе полюбоваться художественною живописью церковныхъ иконъ и орнаментовъ. Понятно, что при такомъ настроеніи люди мало выносили изъ храмовъ Божіихъ, мало черпали живой воды изъ источника вѣчной жизни. Они даже совершенно не чувствовали, что соприкасались въ храмахъ съ Божественной силой, не сознавали, что пріобщались тамъ Самому Христу.

Духовныя способности такихъ людей спали непробуднымъ сномъ въ нѣдрахъ ихъ души. Данные имъ Богомъ таланты были зарыты глубоко въ землѣ, которая къ тому же заросла еще плевелами и волчцами. Необходима была невѣроятная энергія, чтобы добраться до этихъ великихъ духовныхъ богатствъ, которыми обладаетъ каждый человѣкъ. Вотъ поэтому человѣчество вовсе не проявляло всѣхъ своихъ величайшихъ способностей, благодаря которымъ можно было бы переродить весь міръ. Мы уподобились евангельскому лукавому и лѣнивому рабу, не желавшему работать надъ даннымъ ему талантомъ изъ боязни, что отъ него потребуется очень много, что господинъ „жнетъ тамъ, гдѣ не сѣялъ, и собираетъ то, чего не разсыпалъ".

За такое нерадивое отношеніе къ полученнымъ духовнымъ богатствамъ, за сокрытіе ихъ безъ пользы мы обрекаемъ себя на страшную

участь этого „неключимаго“ и лукаваго раба. Мы совершили тягчайшій грѣхъ, не поработали для Господа нашего, не послужили для ближнихъ своихъ. Этимъ самымъ мы лишили себя права на награду и на участіе въ радостномъ ликованіи праведниковъ и вѣчномъ блаженствѣ ихъ въ чертогахъ Царствія Божія. Мы съ удивленіемъ смотримъ на людей, работающихъ надъ развитіемъ и пріумноженіемъ своихъ талантовъ. Мы совершенно не понимаемъ ихъ, насмѣхаемся надъ ними. Вдумайтесь, какой насмѣшкой, какой злой ироніей звучатъ слова: онъ—„не отъ міра сего“. Такъ язвительно говорятъ о человѣкѣ, который не можетъ создать себѣ солиднаго положенія въ общественной жизни, не можетъ нажить себѣ богатствъ. Мы вовсе не думаемъ въ такомъ случаѣ о его внутреннихъ достоинствахъ, о его высокихъ духовныхъ качествахъ. Для насъ это не играетъ никакой роли. Намъ подавай блескъ, славу, деньги. Это мы поймемъ, въ этомъ мы хорошо разберемся. А что такое духовные таланты? А что такое внутреннія силы души?

Вотъ обычныя распространенныя мнѣнія широкаго круга людей. Эти предразсудки мѣшаютъ людямъ стремиться къ Царствію Божію, отвлекаютъ ихъ вниманіе отъ самаго главнаго въ жизни, приковывая ихъ къ скоропреходящимъ мимолетнымъ земнымъ радостямъ.

Но подобно тому, какъ въ приводимой притчѣ господинъ неожиданно потребовалъ отчета отъ своихъ рабовъ, такъ и Господь неожиданно требуетъ отъ насъ ответа, какъ мы распорядились своими талантами. Онъ требуетъ этого отчета отъ насъ теперь, именно въ эту роковую минуту нашей жизни, когда происходитъ переоцѣнка всѣхъ цѣнностей, когда рушатся царства земныя. Еще здѣсь, на землѣ, мы подвергаемся страшному суду Божію. Еще здѣсь Господь устраиваетъ для насъ это испытаніе въ видѣ грозныхъ жизненныхъ событій, обрушившихся на насъ въ наше тяжелое время.

Какой же отвѣтъ дадимъ мы Господу? Чѣмъ объяснимъ мы нашу вину, нашу нерадивость? Многіе ли изъ насъ могутъ сказать съ радостью: „вотъ другіе пять талантовъ“? Но нѣтъ, большинство изъ насъ стоитъ предъ грознымъ Судіей, низко опустивъ свои головы, не зная, что отвѣчать Ему на задаваемые вопросы. Намъ надо было заблаговременно готовиться къ этому страшному дню, но нерадивость наша помѣшала намъ сдѣлать необходимыя приготовленія. И не напрасно разразился надъ нами громъ грозы Божіей. Мы сами виноваты, что не угодили Господу. Мы не принесли всѣхъ своихъ силъ на служеніе Богу. Мы коварно старались даже скрывать свои способности, да и теперь все еще продолжаемъ дѣлать то же самое. Послѣднее обстоятельство особенно преступно съ нашей стороны, потому что въ эти дни Голгоѳскаго пути Св. Православной Церкви всѣ мы, ея возлюбленныя чада, должны жизнь свою отдать въ полное ея распоряженіе, должны охотно придти на служеніе ей. Теперь-то даже самые нерадивые и лѣнивые изъ насъ должны откопать спрятанные въ нѣдрахъ своей души таланты или зарытые въ глубинѣ земной. Все должно быть извлечено нами на свѣтъ Божій, всѣ наши сокровища должны быть отданы въ распоряженіе Св. Матери — Церкви и принесены на служеніе ей.

Господь Іисусъ Христосъ неоднократно восклицалъ, поучая народъ притчами: „Итакъ, бодрствуйте: потому что не знаете ни дня, ни часа, въ который пріидетъ Сынъ Человѣческій“ (Мѳ. XXV, 13). Въ наши дни призывъ этотъ къ бодрствованію имѣетъ особенное значеніе. „Онъ здѣсь Христосъ! Онъ между нами“... Такъ мѣтко выражается въ своемъ стихотвореніи Ѳофановъ. Но не со славой явился Онъ среди насъ. Нѣтъ. Онъ снова распинается нами, распинается вмѣстѣ со Святою Церковью Православной. По выраженію Тютчева:

„Удрученный ношей крестной
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ—Царь Небесный
Исходилъ благословляя“...

Этотъ приходъ Христа въ страдающемъ видѣ сильнѣе долженъ подѣйствовать на насъ, скорѣе долженъ пробудить насъ отъ лѣности и спячки. Христосъ снова терпитъ Голгоѳскія муки, Онъ снова страдаетъ за нашъ грѣшный міръ. И призывъ Его къ намъ теперь, въ дни испытаній и мукъ Св. Церкви, заслуживаетъ съ нашей стороны особеннаго вниманія. Если мы теперь не пробудимся, если мы теперь не откопаемъ свои спрятанные таланты, то уже никогда не сдѣлаемъ этого. Тогда наша вина еще болѣе увеличится, тогда она прямо удесятерится, такъ какъ въ этомъ случаѣ на насъ падетъ грѣхъ соучастія въ работѣ безбожниковъ и распинателей Св. Церкви и Самого Христа.

Неужели и теперь наши сердца не дрогнутъ! Неужели и теперь наши души не проснутся! Никогда наша Св. Церковь не нуждалась такъ въ нашей живой и бодрой работѣ, какъ теперь. И вотъ подъ громъ грозы Божіей, подъ кощунственные выкрики безбожниковъ, этихъ безумныхъ враговъ Христовыхъ, мы должны принести всѣ свои духовныя сокровища на пользу Церкви, дать ихъ въ даръ ей, чтобы поддержать ее въ трудное время, чтобы уврачевать ея раны.

А мы еще не готовы! Мы все еще стоимъ въ раздумьи, мы еще не собрались съ силами. Мы даже не знаемъ своихъ собственныхъ силъ и талантовъ. А какъ они пригодились бы теперь для истекающей кровью Св. Церкви!

И вотъ надъ нами раздается голосъ поэтессы З. Гиппіусъ:

„Ты думаешь Голгоѳа миновала,
При Понтіи Пилатѣ пробилъ часъ,
И жизнь уже съ тѣхъ поръ не повторяла
Того, что быть могло—единый разъ?
Иль ты забылъ? Недавно мы съ тобою
По площади бѣжали второпяхъ,
Къ судилищу, гдѣ двое предъ толпою
Стояли на высокихъ ступеняхъ.
И спрашивалъ одинъ, и сомнѣвался,
Другой молчалъ,—какъ и въ былые дни.
Ты все впередъ, къ ступенямъ, порывался...
Кричали мы: Распни Его, распни!
Шелъ въ гору Онъ—ты помнишь?—безъ сандалій...
И ждалъ Его народъ изъ ближнихъ мѣстъ.
Съ Молчавшаго мы тамъ одежды сняли
И на веревкахъ подняли на крестъ.
Ты, помню, былъ на лѣстницѣ, направо...
Къ ладони узкой я приставилъ гвоздь.
Ты стукнулъ молоткомъ по шляпкѣ ржавой,
И вникло остріе, не тронувъ кость.
Мы о хитонѣ спорили съ тобою,
Въ сторонкѣ сидя, у костра, вдвоемъ,
Не на тебя ль попала кровь съ водою,
Когда ударилъ я его копьемъ?

И не съ тобою ли у двери гроба
Мы тѣло сторожили по ночамъ?
Вчера, и завтра, и до вѣка, оба —
Мы повторяемъ казнь—Ему и намъ".

Вотъ удручающая картина того, что происходитъ въ мірѣ, благодаря нашей преступной нерадивости, благодаря тому, что мы не приносимъ Богу своихъ талантовъ. Мы сами дѣлаемся сообщниками безбожниковъ! Мы сами становимся сораспинателями Христа! Мы сами забиваемъ гвозди въ Его пречистыя Божественныя руки!

Да неужели же это можетъ продолжаться и далѣе? Неужели же бичующіе стихи З. Гиппіусъ не пробудятъ нашей дремлющей совѣсти? Жутко становится отъ такой страшной мысли! Языкъ невольно нѣмѣетъ. Помыслы помрачаются. Страшно за людей, за все человѣчество! Неужели же?! Такъ ли?

Но не хочется вѣрить, что люди не сознаютъ своей грѣховности и тяжкой преступности предъ Милосерднымъ Господомъ. Не хочется думать, что мы останемся „неключимыми" рабами и не отзовемся на призывъ Христа и не отдадимъ Ему всѣ свои таланты.

Нѣтъ, наша жизнь современная обнаруживаетъ сдвигъ съ мертвой точки. Въ нашей груди сильнѣе бьется сердце. Въ нашей душѣ совѣсть начинаетъ пробуждаться и скоро громко заговоритъ. Многіе уже спѣшатъ нести Господу свои удвоенные таланты. Многіе уже жизнь свою приносятъ на служеніе Христу и Св. Церкви.

ВЛ. КУЛАКОВЪ.

Свѣтлый лучъ Божій въ душѣ человѣческой.

НЕОБХОДИМОСТЬ ПОЗНАНІЯ НРАВСТВЕННЫХЪ ИСТИНЪ.

Наши годы—годы смутъ, соціальныхъ потрясеній, годы невзгодъ, бѣдъ, скорбей. Домъ человѣческій построенъ на пескѣ. Міръ окутанъ темной пеленой. Стерлась граница добраго и злого, дозволеннаго и недозволеннаго. „Все позволено" несется въ мірѣ. Люди имѣютъ очи, чтобы не видѣть, и уши, чтобы не слышать. Ожесточилось сердце людей... Не свѣтятъ въ душѣ человѣческой огни Правды—Любви... Мракомъ покрыто сердце.. Такъ у однихъ...

...У другихъ... Въ эти смутные годы, годы скорби черной — душа, не находя спасенія въ этомъ мірѣ печали и слезъ, превозмогаетъ тоску безвыходнаго горя и мощнымъ устремленіемъ возносится къ Богу, устремляется къ Небу, въ надзвѣздныя сферы. *„Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и Азъ упокою вы. Возмите иго Мое на себе и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ"*. Радостенъ призывный звонъ! Загорается яркимъ огнемъ въ глубинахъ души религіозное чувство, какое-то невѣдомое ощущеніе Божества, какія-то невѣдомыя свѣтлыя движенія, какой-то невѣдомый трепетъ сердца. Чрезвычайныя страданія и муки, катастрофическая атмосфера переплавляютъ все душевное содержаніе, сжигаютъ терніе, мусоръ, и открывается переплавленное чистое золото сердца человѣческаго, загораются яркіе, немеркнущіе огни. Человѣческое существо, прошедшее чрезъ горнило испытаній, обновляется. Многіе и многіе постигаютъ, наконецъ, радость—свѣтъ общенія съ Божественнымъ, и приходитъ умиротворенность въ жизнь, и легкимъ становится жизненный путь.

Потому-то въ наши дни особенно ясно и неотразимо ярко долженъ сіять христіанскій нравственный идеалъ, будить души человѣческія, звать ихъ къ Солнцу Правды и Любви. Пусть глубоко раскроется все богатство и совершенство человѣческой душевной жизни. Пусть будетъ дѣйственнымъ стремленіе къ осуществленію высшихъ цѣлей бытія.

Въ наше время всюду слышится и укрѣпляется въ умахъ: „Не нужны въ жизни никакія религіозно-этическія основы... Законъ естественно-исторической необходимости приводитъ къ совершенству бытія... Нѣтъ ни добра, ни зла... Есть только законъ естественно-историческаго роста силы одного изъ борящихся видовъ животныхъ, —именуемыхъ „рабочимъ классомъ". Нѣтъ правды и справедливости, рождаемыхъ животворящею силою Христовой любви къ ближнему... Нѣтъ жалости и состраданія—утраченъ этотъ великій чудотворный инстинктъ личной и соціальной жизни человѣчества... Отравлено сознаніе человѣческое... Загрязнены источники сердца.

Если такъ, то сама жизнь призываетъ, диктуетъ настоятельный приказъ: зажечь ярко факелъ Христова нравственнаго ученія, открыть отравленному, но—непогасшему въ исканіяхъ правды, человѣческому сердцу христіанскія нравственныя истины, запечатлѣть ихъ въ глубинахъ души. Пусть нравственный образъ Богочеловѣка Христа во всемъ Своемъ величіи предстанетъ предъ мятущимся человѣчествомъ и съ невѣдомой силой повлечетъ къ Себѣ! Пусть современный человѣкъ ощутитъ могуче, непреодолимо, свое высшее достоинство, свое высокое назначеніе, свой Божескій образъ. А ощутивши, перестроитъ жизнь свою по Христовымъ завѣтамъ, направляя волю къ свѣту, правдѣ, добру; при помощи благодати Божіей приходя постепенно въ мѣру возраста совершенна. Открытіе, утвержденіе въ сердцѣ богооткровенныхъ нравственныхъ истинъ, воплощеніе ихъ съ помощью Божіей въ жизни—дастъ желанное счастіе и умиротворенность. *„Блажени слышащіе Слово Божіе и хранящіе е"* (Лук. X, 28). *„Аще сіе вѣсте, блажени есте, аще творите я"* (Іоан. XIII, 17).

Въ сердцахъ всѣхъ христіанъ должны быть запечатлѣны нравственныя истины, а въ особенности въ сердцѣ пастыря. Онъ руководитель, онъ маякъ въ бурномъ морѣ людскомъ, онъ наставникъ и путеводитель. Потому-то нравственный Законъ Божій для него долженъ быть воистину свѣтильникомъ горящимъ. *„Свѣтильникъ ногама моима законъ Твой и свѣтъ стезямъ моимъ"*, когда-то пѣлъ умудренный Псалмопѣвецъ (Пс. 118, 105).

НРАВСТВЕННАЯ ПРИРОДА ЧЕЛОВѢКА.

Обратимся къ первымъ временамъ. Св. Макарій Египетскій въ такихъ чертахъ рисуетъ ду-

ховный образъ перваго человѣка, такъ характеризуетъ высокое духовное достоинство его: „Великое, божественное и дивное воистину есть дѣло—душа. Ибо во время созданія ея Богъ сотворилъ ее такою, что не допустилъ войти въ нее никакому пороку; но по образу Духа Св. создалъ ее; вложилъ въ нее законы добродѣтелей, разсужденіе, знаніе, мудрость, вѣру, любовь и прочія добродѣтели. Сверхъ того, вложилъ въ нее разумѣніе, мышленіе, волю, умъ, какъ вождя прочихъ совершенствъ; вліялъ въ нее легкость, даровалъ ей силу въ одно мгновеніе проходить далечайшія страны и мыслью служить Ему, какъ духъ восхощетъ" (Бес. 45). Образъ Божій былъ начертанъ въ душѣ перваго человѣка—мудрость Божественнаго ума, благостность сердца, мощность святой воли. *„И сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его"* (Быт. I, 27).

Надѣленный свободною волей, обогащенный дарами Божественной природы—человѣкъ могъ легко идти по пути нравственнаго совершенства, все болѣе и болѣе приближаясь къ Богу, все болѣе и болѣе уподобляясь Творцу своему, просвѣщая разумъ свой истиною, сердце святостью, свободную волю свою добродѣтелью.

Пришелъ грѣхъ въ міръ... Затмился образъ Божій въ душѣ человѣческой, померкли свѣтлые божественные огни, немощь проникла во все существо человѣческое до самыхъ глубинъ. Не горитъ умъ свѣтомъ Божественнымъ, не пылаетъ сердце отъ любви Божіей, не стремится мощно воля къ исполненію завѣтовъ Божіихъ.

Мракъ—зло объяло землю. *„Вси уклонишася, вкупѣ неключими быша! Нѣсть творяй благостыню, нѣсть до единаго"*, скорбно восклицаетъ Псалмопѣвецъ (Пс. XIII. 3)... *„Міръ весь во злѣ лежитъ"*, говоритъ Апостолъ Іоаннъ Богословъ (I. 1, 8). *„Душа за преслушаніе ввержена въ море забвенія и въ бездну пороковъ, и во вратѣхъ адовыхъ поселилася. Симъ убо образомъ безсильна стала, еже приступити къ Богу и прямо познати Создавшаго"*, пишетъ Св. Макарій Египетскій. Апостолъ Павелъ такъ характеризуетъ нравственное состояніе языческаго міра: *„Занеже разумѣвше Бога не яко Бога прославиша или благодариша: но осуетишася помышленіи своими, и омрачися неразумное ихъ сердце. Глаголющеся быти мудри — объюродѣша и измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка и птицъ, и четвероногихъ, и гадъ. Тѣмже и предаде ихъ Богъ въ похотехъ сердецъ ихъ въ нечистоту, во еже скверниттися тѣлесемъ ихъ въ себѣ самѣхъ... И якоже не искусиша имѣти Бога въ разумѣ,* (сего ради) *предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ, творити неподобная: исполненныхъ всякія неправды, блуженія, лукавства, лихоиманія, злобы, исполненныхъ зависти, убійства, рвенія, льсти, злонравія: шепотники, клеветника, богомерзски, досадители, величавы, горды, обрѣтатели злыхъ, родителямъ непокориви, неразумны, непримирительны, нелюбовны, неклятвохранительны, немилостивны"* (Рим. I, 21—31).

Въ такихъ мрачныхъ краскахъ рисуетъ Апостолъ Павелъ охваченнаго зломъ и мракомъ человѣка, міръ языческій, лежащій во тьмѣ и сѣни смертной. Грѣхъ объялъ землю, напояетъ ее ядомъ своимъ. Тьма покрыла міръ человѣческій и нѣтъ просвѣта и нѣтъ спасенія.., Сердце человѣческое—пустыня безплодная, безмолвная...

Но неужели Богъ милосердный истребилъ въ душѣ человѣка всякій слѣдъ образа Своего, снялъ печать Свою до конца съ духа человѣческаго, отнялъ отъ человѣка всякое хотѣніе добра, ввергъ его въ безпросвѣтную бездну тьмы, оставилъ его на погибель и муку?.. Нѣтъ... Ап. Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ (I, 19—20) пишетъ о язычникахъ: *„Разумное Божіе явѣ есть въ нихъ. Богъ бо явилъ есть имъ: невидимая бо Его отъ созданія міра, твореньми помышляема, видима суть и присносущная сила Его и Божество"*.

Лучшіе умы языческаго міра, пристально вглядываясь въ творенія Его, глубоко проникая въ законы вселенной разумомъ своимъ,—познаютъ и присносущную силу Его и Божество...

Не ослѣпленъ безмѣрно разумъ, не покрытъ непроницаемой завѣсой, густымъ темнымъ покровомъ, не атрофированъ, хотя съ трудомъ безмѣрнымъ, но видитъ звѣзды Божіи. *„Не еже бо хощу доброе—творю, но еже не хощу злое, сіе содѣваю.—„Хощу доброе"*... (Рим. VII, 19).

Въ сердцѣ объятаго зломъ человѣка сохранились жажда добра, хотѣніе его, стремленіе къ нему, благіе порывы... Иногда вдругъ блеснетъ полоска свѣта и... исчезнетъ и снова... тьма.

Вспыхнетъ въ душѣ огонекъ и... погаснетъ... безплодно. Но... вспыхиваютъ эти огни...

У древнихъ египтянъ былъ обычай полагать въ гробъ вмѣстѣ съ умершимъ книгу мертвыхъ. Это самооправданіе умершаго предъ праведнымъ загробнымъ судомъ Озириса и тамъ читаемъ мы такія высокія мысли: „Я накормилъ голоднаго, я напоилъ жаждущаго; я далъ лодку утопающему" и т. д. Вотъ это хотѣніе добра, вотъ эти свѣтлыя полоски, огни въ жизни древняго человѣка.

За 4 вѣка до Рождества Христова въ древней Элладѣ жилъ философъ Сократъ. Блестящій городъ Аѳины. Время упадка. Утрачена уже вѣра въ боговъ. Исчезли прежніе крѣпкіе устои жизни. „Человѣкъ—мѣра всѣхъ вещей", проповѣдуютъ учители жизни софисты. Добро то, что добро для отдѣльнаго человѣка, и зло то, что зло для отдѣльнаго человѣка. Нѣтъ общихъ нравственныхъ законовъ. Каждый самъ себѣ судья... А если такъ, то все позволено, нѣтъ общаго блага, нѣтъ самоотверженнаго служенія ближнему, самоотреченія, любви.

Среди шумной улицы стоитъ мудрецъ Сократъ. Глубокая дума бороздитъ его чело. Не интересуетъ его толпа, ея споры, заботы и тревоги. Долгіе часы думаетъ мудрецъ, никого не замѣчая. О чемъ думаетъ онъ? Что волнуетъ его сердце? Глубока его душа, бездонно глубока, мучительна и скорбна. Есть ли цѣль жизни? Есть ли общій нравственный законъ, исполняя который могъ бы человѣкъ обрѣсть счастье?

Однажды проходилъ мудрецъ мимо храма Аполлона Дельфійскаго. На стѣнахъ его какой-то другой мудрецъ начерталъ: „γνῶθι σεαυτόν!" (познай самого себя!). Принялъ къ сердцу эти два слова Сократъ... Заглянулъ въ глубины души и услышалъ тамъ странный голосъ изъ иныхъ міровъ свѣтлый — ясный; грозный и ласкающій, угрожающій—карающій и благословляющій... Я то хочу... кто же такой, кто противоборствуетъ мнѣ? и назвалъ тотъ голосъ Богомъ и пришелъ къ выводу о бытіи общаго нравственнаго закона, въ исполненіи котораго и есть цѣль жизни человѣка и счастіе.

„Языцы, не имуще закона, естествомъ законная творятъ", пишетъ Апостолъ Павелъ объ этомъ голосѣ Божіемъ (Рим. XI, 14). Вотъ опять слѣдъ Господень въ падшемъ человѣкѣ, сохраненный Божественный даръ, свѣтъ души, сокровище сердца.

Наконецъ, изъ своего сознанія человѣкъ узнаетъ, что онъ не является простымъ колесомъ въ механизмѣ вселенной, что онъ не автоматъ, подчиняющійся фатальному ходу природы, пассивное орудіе какихъ-то невѣдомыхъ силъ—нѣтъ, человѣческая личность обладаетъ нравственной свободой, въ человѣкѣ есть чувство нравственной отвѣтственности за дурное и хорошее. Бытіе нравственной свободы присуще душѣ человѣческой, составляетъ неотъемлемое ея сокровище и доказываетъ существованіе добра въ пораженной грѣхомъ природѣ человѣка.

Пришелъ на землю Сынъ Божій Единородный, принялъ плоть человѣческую и въ безмѣрной любви Своей къ падшему человѣку принесъ въ жертву Себя за грѣхи міра. Совершилась великая перемѣна. *„Закономъ духа жизни о Христѣ Іисусѣ христіане освобождены отъ закона грѣховнаго"* (Рим. VIII, 24). *„Поданы также вся божественныя силы, яже къ животу и благочестію"* (2 Петр. I, 3). При помощи благодати Божіей христіанинъ облекается мощью, силами для нравственнаго совершенства, совершаетъ подвиги, взирая на великій нравственный образъ Богочеловѣка Христа.

Вошелъ грѣхъ въ міръ, немощна стала природа человѣка, но остались въ ней остатки, проблески добра, стремленіе къ свѣту, сознаніе своей свободы, голосъ Божій. Благодать Святаго Духа, принесенная въ міръ Пастыреначальникомъ Христомъ, укрѣпляетъ, освящаетъ немощную человѣческую природу, возрождаетъ къ новой жизни, сообщаетъ силы для нравственнаго совершенства.

НРАВСТВЕННАЯ ПОТРЕБНОСТЬ. НРАВСТВЕННОЕ СТРЕМЛЕНІЕ. НРАВСТВЕННОЕ ЧУВСТВО.

Основнымъ началомъ всѣхъ нравственныхъ переживаній, стремленій, чувствованій, всей нравственной дѣятельности является — лежащая въ глубинахъ души—нравственная потребность или нравственный инстинктъ.

Что называется инстинктомъ?

„Инстинкты, говоритъ одинъ психологъ, есть темныя влеченія животной природы, въ которыхъ совершенно нельзя признать присутствія сознательности, или разсужденія о будущихъ послѣдствіяхъ; животное подчиняется инстинктамъ непреодолимо безъ всякаго разсужденія и выбора". Черепаха, только что вышедшая изъ яйца на песчанной морской отмели, тотчасъ же устремляется къ морю, котораго она никогда не видѣла и не знаетъ, что это ея стихія, и что на берегу опасно ей оставаться, такъ какъ ей угрожаетъ гибель отъ враговъ. Инстинктъ самосохраненія руководитъ ею — инстинктъ, присущій каждому живому существу.

Но въ чемъ заключается нравственный инстинктъ, глубокая нравственная потребность, неотъемлемый даръ человѣческой природы?

Нравственная потребность, говоритъ Епископъ Никаноръ, есть прирожденная сила влеченія къ Нравственному Первообразу, какъ Высшему Благу и счастію; сила ни отъ чего, кромѣ собственной силы самоопредѣленія, независящая —живая— свободная.

Грудной ребенокъ уже носитъ въ душѣ своей это свѣтлое начало. Въ немъ уже горитъ любовь къ матери, но еще смутная, неясная, неосознанная. Дитя инстинктивно тянется къ своей матери, радуется при видѣ ея; тоскуетъ, груститъ, если ея нѣтъ. Все это живетъ въ душѣ ребенка, прежде чѣмъ зародилось въ ней понятіе о матери, сложилась обязанность любить ее. Дитя любитъ инстинктивно, любовь невольно вырывается изъ глубинъ душевныхъ, изъ подсознательныхъ областей душевной жизни. Влеченіе къ нравственно-доброму у дѣтей выражается и въ ихъ естественной стыдливости, ихъ совѣстливости и отвращеніи отъ всего нравственно-дурного.

Постепенно нравственная потребность и вытекающее изъ нея безсознательное влеченіе къ Высшему Благу и счастію принимаютъ сознательный характеръ, получаютъ опредѣленное направленіе и цѣль. Загорается въ душѣ сознательное влеченіе къ Свѣтлому Нравственному Прообразу. Оно выявляется въ неудовлетворенности всѣмъ земнымъ, временнымъ, конечнымъ и въ порывѣ къ небесному, непреходящему, вѣчному, Божественному. Зарождается въ душѣ глубокая сознательная потребность жизни въ Богѣ, побуждающая человѣка отрѣшаться отъ всего низкаго и грѣховнаго и достигать возможной чистоты и совершенства по подобію Божію. Этотъ новый актъ, новая ступень нравственной жизни и дѣятельности человѣка называется нравственнымъ стремленіемъ. Живая сила духовной природы человѣческой—неосознанная—неоформленная получаетъ въ нравственномъ стремленіи свою форму, сознательную ясность и должное направленіе. Человѣкъ желаетъ, жаждетъ Высшаго Блага, добра, счастья—стремится къ небесному, Божественной Правдѣ и Любви и... тоскуетъ, что въ этомъ мірѣ, при этихъ условіяхъ земной жизни, въ этой временной оболочкѣ нѣтъ истиннаго блага, истиннаго счастья...

Наши нравственныя стремленія и вся наша нравственная дѣятельстость сопровождаются нравственными чувствованіями.

Нравственное чувство вытекаетъ изъ глубинъ нашего сердца. Это есть, по слову Апостола Павла (Еф. III, 16), вселеніе Самого Іисуса Христа въ сердце человѣческое, законъ, написанный въ сердцахъ людей (Рим. II). Нравственное чувство освѣщаетъ свѣтомъ своимъ, сопутствуетъ всѣмъ нашимъ мыслямъ, намѣреніямъ, желаніямъ, поступкамъ, даже воспоминаніямъ о совершенныхъ поступкахъ, дѣйствуетъ даже въ сновидѣніяхъ.

Что же это за чувство, какія его отличительныя черты, откуда его мощь и сила, ширина и глубина?

Голубое небо. Бѣгутъ бѣлыя облачка. Ласкаетъ взоръ зеленый лѣсъ. Блестящей каймой тянется рѣчка. Разстилается поле, покрытое чуднымъ ковромъ цвѣтовъ...

Глядишь на эту картину, впитываешь ея прелесть и въ сердцѣ вспыхиваетъ волнующее чувство—чувство красоты—эстетическое чувство посѣщаетъ душу. Духъ нашъ постигаетъ особенныя качества міра явленій. Такими качествами въ предметахъ, пробуждающихъ чувство прекраснаго, является все то, что производитъ на человѣка впечатлѣніе гармоніи, т. е. обнаруживаетъ единство въ разнообразіи, симметрію и пропорцію въ частяхъ, ритмъ въ послѣдовательности, соотвѣтствіе внутренняго и внѣшняго, духовнаго и чувственнаго. „Красота, говоритъ Шиллеръ, нравится намъ своей формой, въ которой выражается разумность".

При анализѣ эстетическаго чувства нужно отмѣтить, обратить вниманіе на то, что чувство прекрасно возбуждается предметами, существующими внѣ нашего сознанія—внѣшнимъ объектив-

нымъ міромъ. Явленія внѣшняго міра, дѣйствуя на органы нашихъ внѣшнихъ чувствъ, при извѣстныхъ опредѣленныхъ условіяхъ, пробуждаютъ въ насъ эстетическое чувство.

Перейдемъ къ характеристикѣ нравственнаго чувства.

Помните ли вы произведеніе Л. Н. Толстого: „Хозяинъ и работникъ"?

Метель. Вьюга. Зги не видать. Заблудились въ снѣжномъ безграничномъ полѣ хозяинъ и работникъ. Послѣднія минуты жизни хозяина.

Въ грубомъ, земномъ себялюбивомъ купцѣ происходитъ внутреннее преображеніе. Загорается искорка подглубиннаго свѣта Божественнаго... Лежитъ въ саняхъ замерзающій Никита — работникъ. *„Василій Андреевичъ поспѣшно распоясался, расправилъ шубу и, толкнувъ Никиту, легъ на него, покрывая его не только своей шубой, но и всѣмъ своимъ теплымъ, разгоряченнымъ тѣломъ... Теперь онъ не слышалъ уже свиста бури, а только прислушивался къ дыханію Никиты. Никита сначала долго лежалъ неподвижно, потомъ громко вздохнулъ и пошевелился.*

„А вотъ то-то, а ты говоришь — помираешь. Лежи, грѣйся, мы вотъ какъ... началъ было Василій Андреевичъ. Но дальше онъ, къ своему великому удивленію, не могъ говорить, потому что слезы ему выступили на глаза...

Но слабость эта его не только не была непріятна, но доставляла ему какую-то особенную, неиспытанную еще никогда радость.

„Мы вотъ какъ"! говорилъ онъ себѣ, испытывая какое-то особенное торжественное умиленіе. ...Ему какъ-то страстно захотѣлось сказать комунибудь про свое радостное состояніе.

— „Микита!"—сказалъ онъ.—„Хорошо, тепло"! откликнулось ему снизу. — „Такъ-то, братъ, пропалъ было я. И ты бы замерзъ и я бы"... Но тутъ глаза его опять наполнились слезами... Онъ не могъ рѣшиться ни на минуту оставить Никиту и нарушить то радостное состояніе, въ которомъ онъ находился...

Вдругъ пришелъ и зоветъ его Тотъ Самый, Который кликнулъ его и велѣлъ ему лечь на Никиту... Василій Андреевичъ радъ, что этотъ Кто-то пришелъ за нимъ. „Иду" кричитъ онъ радостно. Ему кажется, что онъ—Никита, а Никита—онъ, и что жизнь не въ немъ самомъ, а въ Никитѣ. — Живъ Никита, значитъ живъ и я—съ торжествомъ говоритъ онъ себѣ.—„Иду, иду"!—радостно, умиленно говоритъ все существо его"...

Свѣтъ идетъ какъ-бы изъ центра души и охватываетъ все существо человѣка. Истоки его —не явленія внѣшняго міра, а какіе-то внутренніе источники, протекающіе тамъ въ далекой области души, въ глубинахъ сердца человѣческаго. Всколыхнулось внезапно сердце человѣческое и полились оттуда лучи свѣта, задрожали какія-то нѣжныя, тихія струны и раздался, прозвучалъ мощный аккордъ. „Нравственныя чувства возбуждаются преимущественно тѣмъ, что сознается исходящимъ изъ центра нашей души", говоритъ одинъ изъ православныхъ богослововъ. И замѣчательно въ примѣрѣ Никиты—коченѣетъ человѣкъ, замерзаетъ, физически испытываетъ муку—страданія,—смерть заглядываетъ въ глаза,—а въ глубинахъ сердца тихо, тепло, свѣтло, легко, умиленно. Какое-то странное раздвоеніе! Какъ бы два существа рядомъ, объединенно живутъ и дѣйствуютъ!

Нравственное чувство есть частичка нашей духовной природы и въ то же время есть нѣчто независимое отъ насъ, стоящее выше, господствующее, управляющее нашей волей—„сила изъ другой высшей сферы, вторгающаяся въ нашу дѣятельность и дающая ей свою независимую отъ насъ норму" (Лекціи по нр. бог. пр. Янышева).

Кромѣ того, нравственныя чувствованія обладаютъ особеннымъ свойствомъ, котораго не имѣютъ другія чувствованія — въ томъ числѣ эстетическія.

Нравственныя чувствованія вносятъ въ сознаніе оцѣнку личной воли, оцѣнку нашихъ мыслей, намѣреній и дѣйствій,—являются предъ нашимъ сознаніемъ, какъ чувствованія того или другого достоинства. Это чувствованія, дающія намъ понять благородство наше или низость, честность или безчестность,—заслуживаемъ ли мы въ въ нашихъ мысляхъ, намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ уваженія или презрѣнія, одобренія или порицанія. Переживая благородныя мысли, намѣренія, совершая благородные поступки, человѣкъ испытываетъ чувство нравственнаго удовлетворенія, довольства, духовной сладости и—наоборотъ, если его мысли, намѣренія, поступки черны и позорны,—тогда душу посѣщаютъ нравственное недовольство, духовная горечь, сокрушеніе сердечное. „Нравственное чувство, говоритъ протоіерей Янышевъ, есть непосредственная, непроизвольная и субъективно-индивидуальная оцѣнка произвольныхъ намѣреній или дѣйствій воли, поскольку она проявляется въ этихъ конкретныхъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ" (Лекціи по нр. б. стр. 48).

Такимъ образомъ нравственныя чувствованія имѣютъ слѣдующіе отличительные признаки: 1) Они вызываются не явленіями внѣшняго міра, а какъ бы исходятъ изъ самаго центра нашей души;—предметомъ нравственнаго чувства служатъ исключительно дѣйствія самого я или что тоже собственной воли, поскольку она сознается и проявляется въ дѣйствіяхъ.

2) Нравственныя чувствованія вносятъ съ собой сознаніе чувства внутренняго раздвоенія и зависимости отъ себя нашей воли.

3) Нравственныя чувствованія вносятъ въ сознаніе оцѣнку личной воли, являющейся въ дѣйствіяхъ, т. е. сознаются, какъ чувствованія такого или другого достоинства.

НРАВСТВЕННЫЙ ЗАКОНЪ.

Пережившіе тѣ или другія нравственныя чувствованія предполагаютъ и даже убѣждены, что такія же чувствованія переживаются и другими людьми.

Въ то же время наблюдается рядъ однородныхъ фактовъ одинаковаго достоинства или заслуживающихъ одобренія или, наоборотъ, вызывающихъ презрѣніе и негодованіе. На основаніи всего этого выводятся правила, что необходимо считать добромъ и что зломъ. Что благородно и что низко; что честно и что безчестно—указываются пути жизни нравственной. Правила эти долгое время были смутны, неясны, темны, неоформленны, ясно неосознанны, но предносились предъ человѣкомъ, какъ что-то особенное, важное, цѣнное, какъ руководящій въ жизни принципъ, какъ невѣдомый голосъ изъ иного міра. Правила эти не записаны, они устно передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ святыня, какъ великая цѣнность.

Проходятъ долгіе годы. Правила получаютъ все большую и большую ясность, опредѣленность, все болѣе и болѣе закрѣпляются въ со-

знаніи, становятся отчетливѣе. Они уже—не смутное, темное начало, не еле мерцающій свѣтильникъ, указующій путь,—это яркій лучъ въ жизни человѣческой. Правила преобразуются, принимають форму закона нравственнаго. Законъ точно, опредѣленно отмѣчаетъ, что добро и что зло, что нравственно и что безнравственно, свѣтъ и тьму, добродѣтель и порокъ, святость, чистоту и грѣхъ.

Всѣ народы даже на низшихъ ступеняхъ своего развитія имѣютъ свои нравы и обычаи — свои неписанные нравственные законы, въ основѣ которыхъ, какъ неоскудѣваемое сокровище, скрыты движенія нравственнаго чувства. Эти неписанные законы есть звучный откликъ на велѣнія нравственнаго чувства.

Правда—нравственное развитіе какъ отдѣльнаго индивидуума, такъ въ особенности, цѣлыхъ народовъ, совершается постепенно-медленно, находится подъ вліяніемъ многихъ условій, разнородныхъ фактовъ, а потому не одинаково. Иногда наблюдается яркое горѣніе нравственнаго чувства, а иногда только тлѣетъ искорка его. Жители Кавказа и Черногоріи считаютъ своимъ священнымъ долгомъ кровавую месть за убійство родственниковъ, что считается преступленіемъ у культурныхъ народовъ. Древніе спартанцы имѣли законъ, который разрѣшалъ умерщвлять слабыхъ новорожденныхъ младенцевъ. Спартанцы бросали ихъ со скалы въ пропасть. Это преступно и невозможно въ новое время. Все это искривленія нравственнаго закона, неосознанность его. Человѣкъ мутными очами вглядывается въ него и не видитъ божественной сущности его, божественнаго начала. Иногда нравственная ослѣпленность ведетъ къ непониманію и даже поруганію, оскверненію нравственнаго закона. Отвращаетъ Господь лицо Свое. „Какъ по Божьимъ мѣрамъ отмѣривается мѣра нашей жизни, такъ по мѣрамъ нашей жизни отмѣривается и Божья мѣра", говоритъ Святой Григорій Богословъ. Въ основаніи нравственнаго закона лежитъ нравственное чувство—этотъ голосъ Божій, эта искра Божественная... Вручая Богооткровенный законъ Божій еврейскому народу, пророкъ Моисей говоритъ: „Слово сіе близко къ тебѣ. Оно въ устахъ и въ сердцѣ твоемъ" (Втор. XXX, 14). Апостолъ Павелъ въ посланіи къ римскимъ христіанамъ также утверждаетъ, что язычники являютъ дѣло законное написано въ сердцахъ ихъ, спослушествующей имъ совѣсти и между собою помысломъ осуждающимъ или отвѣчающимъ (Рим. II, 14—15). Всемогущій Творецъ является высшимъ основаніемъ естественнаго нравственнаго закона, а эта божественная санкція придаетъ ему и обязательную силу и всеобщность.

Въ душѣ человѣческой живетъ неизсякаемая, неутолимая жажда счастья и совершенства, безпрерывное стремленіе къ Высшему Благу — Добру и... безпокойное предчувствіе, что въ этомъ мірѣ не утолится эта жажда, не удовлетворено будетъ это мучительное желаніе.. Все это доказываетъ, что нравственный законъ неземного происхожденія, что онъ имѣетъ въ своемъ основаніи творческую волю Божію, что Источникъ Святой, утоляющій высшія нравственныя стремленія, Тотъ, Кто Самъ всесовершенное, высочайшее Благо и истинное Счастье, высочайшій нравственный Идеалъ.

Сдѣлаемъ выводъ. Нравственный законъ имѣетъ своимъ источникомъ волю Божію — это есть, по выраженію протоіерея Янышева, правило, обязывающее человѣка къ добрымъ намѣреніямъ и дѣйствіямъ силою его собственнаго нравственнаго чувства.

ЧУВСТВО НРАВСТВЕННАГО ДОЛГА.

Мы охарактеризовали уже и проанализировали нравственное чувство... Чувство долга есть тоже самое нравственное чувство, но надѣленное новыми чертами—болѣе сложное, болѣ углубленное и расширенное.

Нравственное чувство выявляется—сознается въ первичныхъ, отдѣльныхъ его движеніяхъ. Эти движенія нравственнаго чувства возникаютъ по поводу тѣхъ или иныхъ мыслей, намѣреній, дѣйствій. Тогда сознаніе не обладаетъ еще нравственнымъ закономъ съ его отвлеченными правилами поведенія.

Чувство долга подводитъ итоги уже многому пережитому человѣкомъ въ нравственной области, сложной нравственной работѣ. Оно объединяетъ движенія нравственнаго чувства воедино, является сложнымъ общимъ воспроизведеніемъ этихъ движеній; причемъ эти движенія вызываются — возникаютъ въ душѣ благодаря требованіямъ нравственнаго закона. Разнообразныя движенія нравственнаго чувства, сливаясь воедино, звучатъ уже единымъ аккордомъ, представляютъ изъ себя единое глубокое сложное новое нравственное чувство—чувство нравственной необходимости. „Возникая въ нравственно раскрытомъ сознаніи при одномъ имени закона, это священное чувство, говоритъ одинъ изъ нашихъ богослововъ, есть какъ бы единовременный, полный силы резонансъ всей совокупности движеній нравственнаго чувства, прежде слышавшихся поодиночкѣ, по поводу отдѣльныхъ намѣреній и дѣйствій, изъ представленій которыхъ и сложилось самое содержаніе закона" (Янышевъ).

Чувство долга имѣетъ свои характерныя черты, какъ и нравственное чувство.

Прежде всего оно властно характеризуетъ себя, какъ чувство долга,—должнаго, громко заявляетъ, что требованія нравственнаго закона должны быть исполнены, проведены въ жизнь,—что нравственный законъ есть нѣчто должное — долженствующее быть, что на каждаго человѣка возлагается долгъ исполнить его.

Далѣе, чувство долга отмѣчаетъ, что воля человѣческая, къ которой обращены требованія закона, есть нѣчто низшее, подчиненное, служебное, связанное. Она должна преклониться предъ нравственнымъ закономъ, обязана исполнить его. Чувство долга сознается, отмѣчается въ сознаніи человѣка, какъ нѣчто, связывающее его волю, какъ обязанность. Господь нашъ Іисусъ Христосъ говоритъ: „Мнѣ должно дѣлать дѣло Пославшаго Меня, пока есть день" (Іоан. IX, 4). И въ другомъ мѣстѣ читаемъ: „Мнѣ должно быть въ томъ, что принадлежитъ Отцу Моему" (Лук. II, 49). Здѣсь Богочеловѣкъ Христосъ говоритъ о высшемъ долгѣ: исполненіи воли Пославшаго Его. Преклоняется Господь предъ святѣйшимъ долгомъ и подчиняетъ волю Свою во имя высшихъ нравственныхъ требованій волѣ Отца Небеснаго. Апостолъ Павелъ, обращаясь къ римскимъ христіанамъ, поучаетъ, что „власти необходимо повиноваться не только изъ страха наказанія, но и по совѣсти" (Рим. XIII).

Необходимо (по-гречески ἀνάγκη) нравственная необходимость... Апостолъ Павелъ отмѣчаетъ высоту и цѣнность чувства долга и обязанность—обязательность подчиненія ему.

(Окончаніе слѣдуетъ).

РЕЛИГІИ ПРОТИВЪ ВОЙНЫ.

Протоколы Подготовительнаго Комитета „Всемірнаго Религіознаго Конгресса Мира", состоявшагося въ Женевѣ 12—14 сентября 1928 года*).

ПУБЛИЧНАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ.

Викторія Галль.

Среда 12 сентября 1928 года, въ 8 час. 30 мин. вечера.

Конференція открывается краткимъ вступительнымъ словомъ Декана Ш. Матевса.

Комитетъ, говоритъ онъ, который собрался въ этомъ городѣ, подъ названіемъ: „Подготовительный Комитетъ по созыву Всемірнаго Религіознаго Конгресса Мира", составляетъ группу нѣкотораго числа мужчинъ и женщинъ, которые индивидуально, я хочу сказать неоффиціально, представляютъ различныя вѣроисповѣданія міра. Онъ имѣетъ цѣлью подготовить большой Конгрессъ, который былъ бы созванъ въ 1930 г., и число членовъ котораго было бы тысяча человѣкъ.

Большія религіозныя силы готовы заняться насажденіемъ духа международнаго братства. Мы вѣримъ, что посредствомъ нашихъ различныхъ религій многое можетъ быть сдѣлано для развитія добраго намѣренія и созданія общественнаго мнѣнія, которое сдѣлаетъ избѣжимой и безполезной войну.

Какъ Предсѣдатель Подготовительнаго Комитета, я имѣю честь представить вамъ въ качествѣ Предсѣдателя вечерней Конференціи хорошо вамъ извѣстнаго Профессора Фритіофа Нансена.

Ф. НАНСЕНЪ.—Господа! Для меня составляетъ высокую честь быть призваннымъ предсѣдательствовать на этой Конференціи. Отъ имени тѣхъ, которые организовали это собраніе, я говорю: добро пожаловать.

Фактъ, что представители многихъ различныхъ религій собраны для обсужденія, какимъ образомъ можетъ быть установленъ и сохраненъ международный миръ, составляетъ для будущаго большую надежду. Мы, конечно, въ правѣ, послѣ испытаній, претерпѣнныхъ нами въ продолженіи этихъ ужасныхъ и незабываемыхъ четырехъ лѣтъ войны, напречь всѣ усилія на сохраненіе мира. Чрезъ эту войну человѣчество узнало, или должно было узнать, что новая война будетъ концомъ европейской цивилизаціи и можетъ быть бѣлой расы. Слѣдовательно, ни одно усиліе для предотвращенія возможности повторенія войны не можетъ почитаться слишкомъ большимъ.

Безъ сомнѣнія, вы знаете, что самый значительный вопросъ, обсуждаемый сегодня въ Лигѣ Націй, есть разоруженіе. Очевидно, что разоруженіе есть главное условіе сохраненія мира, но матеріальное разоруженіе, наконецъ, не такъ важно, какъ разоруженіе умовъ. Мы могли бы обладать всѣми законами, необходимыми для поддержанія мира, но если духъ мира ихъ не вдохновляетъ, они будутъ не дѣйствительны. Вотъ почему великая задача тѣхъ, которые стремятся содѣйствовать работѣ насажденія мира, состоитъ въ томъ, чтобы помочь молодежи понять: что такое миръ, что такое братство, и что такое любовь къ ближнему.

Когда мы думаемъ объ исторіи, которую мы изучали въ нашей молодости, то мы, не правда-ли, поражены тѣмъ фактомъ, что мораль, которая вытекала изъ этой исторіи, была часто весьма странная. Ваше религіозное обученіе, ваше нравственное воспитаніе вбили вамъ въ голову идею, что обманывать, красть и врать суть великіе грѣхи, и если вы когонибудь убьете, вы будете заключены въ тюрьму и, можетъ быть, присуждены къ смертной казни. Но если всѣ эти дѣянія вы совершили для родины, это уже не преступленіе, это становится добродѣтелью. Если вы лжете, обманываете, крадете и совершаете убійства для вашей родины, то вы поступаете благородно, какъ большой патріотъ и великій человѣкъ. Если мы хотимъ добиться исправленія человѣчества, то эта двойная мораль должна быть упразднена и въ этой области религіозные руководители народовъ должны выполнить большую миссію.

Въ будущемъ миръ на землѣ зависитъ отъ состоянія духа, вдунутаго подростающимъ поколѣніямъ ихъ ученіемъ, ихъ религіей, ихъ нравственностью, ихъ идеаломъ. Если всѣ эти факторы соединятся для поддержанія мира, послѣдній перестанетъ быть утопическимъ сномъ далекаго будущаго, но осуществится при поколѣніи, которое за нами слѣдуетъ.

Будемъ же надѣяться, что конференціи, подобныя той, которая насъ соединяетъ, гдѣ мужчины и женщины, принадлежащіе къ различнымъ религіямъ, встрѣчаются, чтобы разсматривать наиболѣе важный для человѣческаго будущаго вопросъ, укрѣплять чувство братства между націями, между народами, между сословіями и послужить для будущаго, для мира всего міра и для цивилизаціи защитой.

Теперь я предоставляю слово г. Франциску Юнгхусбанду. Я думаю, что имя г. Франциска вамъ всѣмъ хорошо извѣстно и нѣтъ надобности представлять его вамъ. Онъ былъ великимъ солдатомъ; онъ былъ великимъ изслѣдователемъ, а теперь онъ великій апостолъ мира.

ФРАНЦИСКЪ ЮНГХУСБАНДЪ. — Г. Предсѣдатель! Разрѣшите мнѣ сперва сказать, что великая честь для меня говорить подъ предсѣдательствомъ коллеги изслѣдователя, дѣло котораго я могу оцѣнить лучше чѣмъ кто-либо другой.

Затѣмъ считаю нужнымъ объяснить вамъ, какимъ образомъ случилось, что я, бывшій офицеръ, пришелъ говорить вамъ о мирѣ.

Дѣйствительно, я былъ офицеромъ. Но въ продолженіи многихъ лѣтъ я былъ занятъ на границѣ Индіи политической и дипломатической работой, которая состояла въ поддержаніи мира между неугомонными и воинственными племенами. Здѣсь я стяжалъ нѣкоторый опытъ въ искусствѣ такъ необходимомъ и въ непосредственномъ интересѣ обезпечить миръ. И я пріобрѣлъ его въ условіяхъ въ такой степени странныхъ, что если бы я совершилъ малѣйшую ошибку, то не только рисковалъ потерять собственную жизнь, но и мое правительство было бы втянуто въ одно изъ тѣхъ дѣлъ, къ которымъ питаетъ отвращеніе: дорогая и безуспѣшная военная экспедиція.

Вслѣдствіе чего я долженъ былъ стараться хорошо понять чувства тѣхъ, среди которыхъ я жилъ. Я не долженъ былъ возбуждать безъ надобности какой-либо злобы, но по возможности заводить дружбу съ тѣми, которые меня окружали. Я скоро понялъ, что эти, какъ и большинство азіатскихъ, пограничные народы особенно дорожатъ религіей. Уважайте ихъ религію, заинтересуйтесь ихъ религіей, создайте имъ впечатлѣніе, что вы дорожите своей собственной религіей и только такимъ образомъ вы заложите основы для мира.

*) См. „Воскресное Чтеніе" № 39,40.

Въ этомъ мой опытъ. И потому что я вѣрю въ практическую цѣнность религіи для поддержанія мира, я согласился говорить сегодня вечеромъ.

Если мы желаемъ работать на пользу мира, мы должны себѣ ясно представить значеніе этого слова. Мы должны понять, что оно значитъ гораздо больше, чѣмъ отсутствіе войны... Человѣку нуженъ тотъ миръ, который происходитъ оъ самыхъ глубинъ внутренней жизни, наперекоръ самымъ печальнымъ дѣйствительностямъ. Единственный миръ, достойный этого имени, есть то довольство души, которое вытекаетъ изъ удовлетворенія его самыхъ высшихъ стремленій и его самыхъ глубокихъ чувствъ. Дайте ему это удовлетвореніе и миръ воцарится.

Значитъ, нужно добиваться не непосредственнаго мира, но того, что безотлагательно желаетъ душа. Что же это такое? Душа есть сама сущность человѣка или націи. Кто же дастъ полное удовлетвореніе человѣку или націи? Будетъ-ли это увеличенное богатство или расширеніе территоріи? Это сможетъ удовлетворить матеріальную часть существа, но не все существо. Будетъ-ли это болѣе утонченная культура? Она сможетъ удовлетворить разумъ, но не все существо.

Я позволю себѣ сказать, что то, что можетъ удовлетворить каждаго человѣка и каждую націю, это есть святость. Достиженіе святости, или даже усиліе къ достиженію святости, произведетъ то внутреннее довольство, которое одно есть миръ. Стараться достичь или даже достичь менѣе высокую цѣль, и это томленіе души, это безпокойство, это неопредѣленное неудовольствіе, которыя, въ концѣ концовъ, неизбѣжно ведутъ къ войнѣ,—будутъ постоянно существовать.

Святость есть благо, которое понимаютъ единомышленники всѣхъ религій, и для котораго они охотно работаютъ. Какъ говоритъ „Профессоръ Отто, идея святости есть „самая сущность религіи". Святость необходима всѣмъ религіямъ; она свойственна для всѣхъ. Мнѣ пришлось жить среди людей всѣхъ большихъ религій; я съ ними работалъ во время войны и въ мирное время, во время голода и чумы и во время благосостоянія, и я наблюдалъ, что вездѣ люди почитаютъ святость, что вездѣ святой человѣкъ вызываетъ благоговѣніе. Я видѣлъ, что такое святость, наблюдая поклонниковъ въ индускихъ святилищахъ въ Индіи, въ мечетяхъ магометанъ, въ центральной Азіи и въ буддійскихъ храмахъ Лхассы. Я видѣлъ, также, сколько индусовъ почитаютъ Святаго Брахмана; тибетцы Святаго Ламу и магометане Святаго Муллу, больше всѣхъ другихъ существъ. По своей сущности, это почитаніе святости есть тоже самое чувство, которое насъ одушевляетъ, насъ, христіанъ, когда мы смотримъ на Іисуса Христа, какъ на воплощеніе совершенной святости.

По всѣмъ этимъ причинамъ, я полагаю, что святость есть цѣль принаровленная, и наилучшимъ образомъ принаровленная къ челоэѣческимъ усиліямъ. Она представляетъ все то, что мы знаемъ о существенномъ характерѣ этой таинственной силы, которая поддерживаетъ міръ и направляетъ его теченіе. Она намъ, также, показываетъ, что мы должны вѣрить въ то, что эта сила дѣйствуетъ въ мірѣ и дѣйствуетъ чрезъ насъ, своихъ отвѣтственныхъ агентовъ.

Какъ достичь святости? Вотъ въ этомъ вся задача. Она можетъ быть преподана голосомъ святыхъ. Она можетъ быть открыта чрезъ пышные обряды въ храмахъ. Эти способы постоянно употребительны. Но есть еще и другое средство, чтобы породить въ человѣкѣ желаніе достичь святости, по моему мнѣнію, наиболѣе приспособленное къ настоящему времени и къ нашему замыслу. Это средство есть представленіе священныхъ драмъ. Священной драмой всегда пользовались Индусы, Буддисты, Христіане и Магометане для возбужденія религіознаго вдохновенія и для распространенія религіозныхъ идей. Ибо всемірный опытъ человѣка показалъ, что драма есть наилучшій путь для распространенія идей. Синтезъ многихъ искусствъ, поэзіи, музыки, дикціи, жестовъ и танцевъ, возвышенный черезъ архитектуру, скульптуру и живопись, его призывъ къ душѣ всеобщій и глубокій. Ей (драмѣ) чрезвычайно легко поднять слушателей къ тому высшему уровню, на которомъ стоялъ авторъ драмы, въ моментъ своего лучшаго вдохновенія.

Нынѣ — по крайней мѣрѣ въ Англіи—обрисовывается новый интересъ къ драматическому искусству, и, недавно, къ священной драмѣ. Священныя драмы разыгрываются во многихъ древнихъ церквахъ, въ нѣкоторыхъ церквахъ Лондона, и даже въ Кентерберійскомъ соборѣ. То, что такимъ образомъ происходитъ, есть лишь возобновленіе стараго обычая среднихъ вѣковъ.

Я думаю, что если бы производство священныхъ драмъ было поощряемо во всѣхъ странахъ и вѣрующими всѣхъ религій, то стремленіе къ святости распространилось бы и сдѣлалось бы болѣе глубокимъ. Любовь къ святости сдѣлалась бы отличительнымъ признакомъ культурнаго человѣка, точно также, какъ теперь любовь къ природной красотѣ. И соразмѣрно тому, какъ увеличилась бы цѣнность святости, соразмѣрно тому, какъ искательство святости сдѣлалось бы народнымъ обыкновеніемъ, какъ у насъ англичанъ упражненіе въ спортѣ, тогда увидѣли бы возникновеніе совсѣмъ иного способа выраженія и мышленія.

Священная драма можетъ дать каждой націи понятіе о духовныхъ запросахъ другихъ націй и чрезъ то породить интересъ къ ихъ идеалу, разломать международныя преграды и создать дружбу. Это орудіе, которымъ могутъ пользоваться послѣдователи всѣхъ религій. Оно составляетъ одинъ изъ лучшихъ способовъ вдунуть въ людей любовь къ святости, которая въ концѣ концовъ есть вѣрнѣйшая гарантія для мира.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.—Я предоставляю слово господину Юсуфу Али, члену индусской делегаціи и представителю Ислама. Я увѣренъ, что его точка зрѣнія васъ интересуетъ.

ЮСУФЪ АЛИ.—Г. Предсѣдатель, Милостивыя Государыни и Милостивые Государи! Великая честь для меня говорить въ нынѣшній вечеръ на пользу этого Мирнаго Конгресса. Я представляю мое правительство въ Лигѣ Націй, и это для меня преимущество содѣйствовать, съ людьми всѣхъ націй, созданію плановъ, предназначенныхъ подготовить установленіе мира. Но я чувствую, какъ г. Францискъ Юнгхусбандъ вамъ уже говорилъ, что слово миръ имѣетъ нѣсколько значеній, и что приготовленіе мира имѣетъ нѣсколько видовъ; тотъ, который насъ сегодня вечеромъ привлекаетъ, будетъ тѣмъ, который самымъ интимнымъ образомъ достигнетъ сердца и души народовъ.

Даже въ точномъ смыслѣ, политическомъ или военномъ, миръ имѣетъ лишь одно значеніе. Очень легко сказать, что если націи разоружены, то войны больше не будетъ. Смѣю утверждать то, чему научаетъ насъ человѣческій опытъ: до тѣхъ поръ пока сердца людей будутъ исполнены ненависти, эти послѣдніе, эти вооруженные или разоруженные, всегда найдутъ предлогъ къ войнѣ, если того пожелаютъ. Нашъ опытъ послѣднихъ десяти лѣтъ показываетъ намъ каждую націю жаждущей отбросить старый призывъ къ войнѣ. Каждый народъ проситъ свое правительство послать сюда своихъ представителей для разработки мѣропріятій, которыя обезпечили бы долговременный миръ. Между тѣмъ, какой же сдѣлали мы прогрессъ?

Вы живущіе въ Женевѣ, вы видѣли, годъ за годомъ—и вотъ уже девятый годъ, какъ собираются собранія Лиги Націй—великіе люди, знаменитые люди, видные политики прибывали въ вашъ городъ, чтобы обмѣняться взглядами и попытаться разрѣшить проблему разоруженія. Между тѣмъ эта проблема остается, я не скажу болѣе чѣмъ когда-либо, далека отъ разрѣшенія, но, во всякомъ случаѣ, отъ этого еще весьма далека.

Лига Націй сознаетъ, что существуютъ многія подъѣздныя дороги къ миру, и испробовала другіе пути приближенія. Она не удовлетворилась обсужденіемъ вопроса о разоруженіяхъ, или подготовкой націй къ тому счастливому времени, когда народъ не будетъ больше прибѣгать къ оружію; Лига не удовлетворилась недавно подписаннымъ въ Парижѣ пактомъ, согласно которому нѣкоторыя націи отказались отъ войны, какъ орудія ихъ политики. Но, и по моему мнѣнію—мудро, Лига Націй также изучила вопросъ съ точки зрѣнія экономической. Если нѣкоторые изъ васъ слѣдятъ за работами Лиги Націй, то они знаютъ, что большая часть ея дѣятельности посвящена изысканію мѣропріятій на утвержденіе экономическаго мира. Вы всѣ помните, что въ теченіи 19 вѣка каждая нація пробовала заниматься экономической войной противъ другихъ націй, и наконецъ, если вы изучаете курсъ исторіи, вы обнаружите, что, каковъ бы ни былъ поводъ, выставляемый націями, истинной цѣлью всѣхъ войнъ было достиженіе экономическихъ преимуществъ.

Въ нашихъ уважаемыхъ странахъ мы уже давно отказались отъ мысли, что для того, чтобы жить, человѣкъ долженъ убивать своего ближняго. Мы живемъ теперь подъ защитой законовъ, обезпечивающихъ намъ свободу слѣдовать своимъ собственнымъ наклонностямъ, отдаваться нашимъ занятіямъ, зарабатывать на жизнь и обезпечивающихъ также досугъ для удовлетворенія нашей любви къ искусству, музыкѣ, литературѣ или театру. Не послѣдуютъ ли націи по этому пути? Не привяжутся ли онѣ къ новому идеалу, согласно которому, въ этомъ необъятномъ Богомъ созданномъ мірѣ, для всѣхъ націй явилась бы возможность работать въ дружескомъ соревнованіи, употребляя послѣднія изобрѣтенія науки на то, чтобы достать все необходимое для ихъ матеріальной жизни, и устроить такимъ образомъ ихъ досугъ, чтобы онѣ могли бы пользоваться самыми высокими утѣхами, предоставленными человѣчеству.

Кромѣ политическихъ, военныхъ, экономическихъ средствъ, еще и другія могли бы быть употреблены, не необходимо такимъ большимъ организмомъ, какъ Лига Націй, но національными и интернаціональными Лигами, работающими вездѣ, и нигдѣ больше, какъ на этой землѣ Швейцаріи, которая, съ давнихъ временъ, даетъ націямъ примѣръ федеральной системы, союза и мира. Я могу, также, представить примѣръ, заимствованный изъ области моего собственнаго опыта. Новый духъ господствуетъ въ воспитаніи юношества, и это во всѣхъ странахъ. Мы чувствуемъ, напримѣръ, что старый методъ преподаванія исторіи, согласно которому все, что наша страна дѣлала, было хорошо, и все то, что дѣлали другія націи, было плохо, теперь оставленъ. Существуетъ новый духъ; его требуетъ современность, и мы стремимся къ справедливости. Я не говорю, что это намъ постоянно удается. Это одно изъ несчастій нашей слабой человѣческой природы смотрѣть часто на вещи съ одной точки зрѣнія, между тѣмъ какъ наши друзья и недруги смотрятъ на тѣ же самыя вещи съ точки совершенно противоположной; но новая школа преподаванія исторіи желаетъ, чтобы мы пытались понять всѣ точки зрѣнія.

Я упомянулъ о четырехъ различныхъ путяхъ, ведущихъ къ миру. Послѣдній, о которомъ я хочу сказать, есть тотъ, который васъ, конечно, больше всего интересуетъ, я его оставилъ для конца, такъ какъ мое твердое убѣжденіе, что если религіозный духъ насъ не воодушевитъ, если мы не почувствуемъ, что нашъ долгъ передъ Богомъ, передъ нашими братьями, въ отношеніи нашего народа и въ отношеніи самихъ себя, требуетъ, чтобы мы изучили науку мира, чтобы мы старались понять способъ привлечь къ себѣ сердца другихъ, сблизить людей видныхъ съ традиціями, съ различными идеями чрезъ живую связь любви, всѣ другія средства, военныя, дипломатическія, политическія, экономическія или образовательныя не будутъ имѣть успѣха. Всѣ хороши на свой манеръ, но всѣ они останавливаются у подножія этой высокой вершины человѣческаго опыта, которая есть религіозное чувство, доведенное до своей высшей степени.

Что я разумѣю подъ религіей? Я не разумѣю подъ этимъ словомъ совершеніе обрядовъ и церемоній. Эти вещи разнятся смотря по временамъ, климатамъ, странамъ, соціальнымъ привычкамъ, традиціямъ и т. д... Я понимаю подъ религіей нѣчто большее. Эти обряды и эти церемоніи могутъ быть полезны, какъ проявленіе скоропреходящихъ потребностей, вызываемыхъ нашимъ матеріальнымъ существомъ, но пока мы не станемъ выше ихъ, на вершинахъ, гдѣ вы и я и всѣ народы земли смогутъ вмѣстѣ почувствовать, что мы братья и сестры, всѣ созданія Бога, волѣ Котораго мы должны подчинять нашу волю, будьте увѣрены, что нашъ миръ не будетъ ни полнымъ, ни долговременнымъ.

Вотъ почему я привѣтствую идею созданія организаціи, которая обратится къ религіозной вѣрѣ, къ религіи подъ ея различными формами. По моему мнѣнію, всѣ эти различныя формы приводятъ къ великой духовной истинѣ, что всѣ мы дѣти Одного Отца, Который насъ создалъ, и отъ Котораго только мы можемъ получить силу жить той жизнью, которой Онъ хотѣлъ бы, чтобы мы жили; жизнь святости, мира, полнѣйшаго согласія съ тѣми, которые насъ окружаютъ.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.—Вы выслушали вѣсть изъ Индіи. Теперь мы обратимся къ другой части свѣта, я предоставляю слово господину Альфреду Мартину, Предсѣдателю Лиги Нравственной Культуры въ Нью-Іоркѣ.

АЛЬФРЕДЪ МАРТИНЪ. — Г. Предсѣдатель, Друзья и Члены нашей Конференціи! По счастливому совпаденію эта Конференція собралась въ 350 годовщину перваго Парламента религій, основаннаго точно также для установленія и поддержанія мира между религіями Индіи. Идея этого Парламента была задумана, планы составлены Акбаромъ, великимъ монгольскимъ императоромъ Индіи. Въ 1578 году, онъ построилъ великолѣпный Тарда—Кхана, или Домъ Преній, и зимой, каждую среду вечеромъ, онъ предсѣдательствовалъ на собраніяхъ, гдѣ были собраны представители всѣхъ большихъ религій Индіи; каждый по очереди представлялъ принципы своей частной религіи.

Какъ указаніе на всеобщность и братство, которыя характеризуютъ эти собранія, разрѣшите мнѣ привести фразу одного изъ участниковъ: „Если ты магометанинъ, то иди жить съ франками; если ты браманистъ, то смѣшайся съ схизматиками; если ты христіанинъ, то культивируй братство съ евреями. Какова бы ни была твоя религія, соединись съ тѣми, которые думаютъ иначе, чѣмъ ты. Если ты можешь съ ними свободно смѣшаться, если ты не раздражаешься, когда они говорятъ, то ты достигъ свободы; ты истинный властелинъ творенія".

Пусть эта величественная мысль выражаетъ духъ и пароль этого собранія; къ тому же, она не потеряетъ своей благодѣтельной силы, если вдохновитъ нашу большую Конференцію 1930 года.

Терпимость къ чужимъ взглядамъ не достаточна, ибо терпимость указываетъ, что позволяютъ другому поддерживать мнѣнія, несходныя съ нашими, только потому, что мы не можемъ имъ въ этомъ помѣшать. Снисходительность также недостаточна, хотя снисходительность и предполагаетъ добровольное согласіе. Мы терпимъ то, чему не можемъ противодѣйствовать, и что запретили бы, если бы могли. Терпимость имѣетъ, если я могу такъ выразиться, видъ нетерпимой высокомѣрной уступчивости. Нѣтъ, друзья мои, терпимость не есть путь къ духовной цѣли; она не есть, какъ сказалъ однажды одинъ замѣчательный человѣкъ, красивѣйшій цвѣтокъ розоваго куста либерализма. Болѣе прекрасна симпатія, которая, освобожденная отъ лицемѣрія, марающаго красоту терпимости, имѣетъ свои собственныя прелести.

Симпатія не удовлетворяется снисходительностью; она чувствуетъ омерзѣніе къ терпимости, она стыдится преслѣдованія. Симпатія готова почитать всякаго человѣка сообразно съ правдой, которую онъ олицетворяетъ, и вдохновеніемъ, которое управляетъ его жизнью.

Духъ симпатіи побуждаетъ насъ обратиться безъ лицепріятія къ Библіямъ всѣхъ большихъ религій, чтобы просить у каждой то, что мы можемъ заимствовать изъ ея сокровищницы моральнаго и религіознаго вдохновенія, для облагораживанія нашей собственной моральной и религіозной жизни.

Симпатія доведетъ насъ до разсматриванія религій, какъ клавишей большого органа, изъ которыхъ нѣкоторые отзываются только нотами аккомпанимента, а другіе нотами мелодіи; ни одинъ самъ по себѣ не даетъ совершеннаго аккорда; точно также каждая религія рождаетъ ноту, которая будучи соединена съ нотами другихъ, образуетъ большую симфонію человѣческой вѣры.

Если мы стремимся установить международный миръ, мы должны избѣгать давать нелѣпыя или высокомѣрныя объясненія о нашей религіи, какова бы она ни была. Это была фатальная и патетическая ошибка, совершенная Религіознымъ Парламентомъ, въ Чикаго, въ 1893 году. Вы и я, какъ индивидуальности, не можемъ лучше способствовать дѣлу международнаго мира, какъ забывая наши предубѣжденія и превозмогая чувство враждебности, которое мы испытываемъ по отношенію къ людямъ не одной съ нами религіи или страны. Нѣкоторые народы имѣютъ предубѣжденія противъ той или иной націи; нѣкоторые имѣютъ ихъ противъ всѣхъ иныхъ націй. Покажите другимъ вашу враждебность, и непосредственно они отвѣтятъ вамъ тѣмъ же, ибо такова свойственная намъ природа. Напротивъ, убѣдите себя, что за этой антипатичной стороной находится другая весьма привлекательная, другая, которая будетъ вамъ симпатична, и вы увидите, что предубѣжденія, какъ съ одной такъ и съ другой стороны, автоматически исчезнутъ.

Въ этой прекрасной пѣснѣ Рождества Христова, которую намъ передаетъ Евангеліе, Ангелъ, согласно самому правильному переводу, не возвѣстилъ, что миръ будетъ дарованъ безъ различія всѣмъ людямъ; Ангелъ возвѣстилъ, что миръ будетъ дарованъ людямъ доброй воли.

Что касается меня, друзья мои, какъ представителя Движенія Нравственной Культуры, то я готовъ работать съ тѣми, которые, какова бы ни была ихъ религія,—мои коллеги-сотрудники въ самомъ великомъ изъ всѣхъ предпріятій, насажденіи международной дружбы и мира.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.—Я имѣю высокую честь представить вамъ Его Высочество Магараджу Бурдванскаго.

МАГАРАДЖА БУРДВАНСКІЙ.—Г. Предсѣдатель, Госпожи и Господа! Не имѣя никакихъ иллюзій относительно человѣческихъ ограниченій вообще, и относительно себя въ частности, я обращаюсь къ вамъ не отъ имени Индіи, но какъ обыкновенный индусъ.

Я весьма польщенъ оказанной мнѣ честью, приглашеніемъ принять участіе въ этомъ совѣщаніи, ибо, хотя въ данный моментъ ваша дѣятельность ограничена, вы возвѣщаете и подготовляете нѣчто, что можетъ быть столь же богато послѣдствіями, какъ политическія пренія, которыми нынѣ занята Лига Націй.

Уже прошло нѣсколько лѣтъ, какъ Женева сдѣлалась центромъ интеллектуальныхъ силъ всѣхъ родовъ и всѣхъ большихъ націй міра. И вполнѣ подобало, чтобы такая Предварительная Конференція, какъ наша, состоялась на берегу этого красиваго озера, надъ которымъ вдали возвышается величественная вершина Монъ-Бланъ, вѣчный снѣгъ которой напоминаетъ намъ въ нѣкоторой мѣрѣ эту Вѣчность, которая служитъ основой всѣхъ религіозныхъ вѣрованій, и изъ которой забила ключемъ внутренняя сущность Индуизма.

Вамъ всѣмъ знакомы индусскія философскія писанія, Веды и Служебники, по переводамъ, изданнымъ въ прекрасномъ собраніи: „Les Livres Sacrés d'Orient". Слѣдовательно, вамъ извѣстны различныя доктрины, которыя заключаютъ въ себѣ религіозныя книги индусовъ, и вы безъ сомнѣнія знакомы съ фактомъ, что всѣ эти доктрины основываются на принципѣ „Ахимса" (не-насиліе), который проповѣдывалъ Готама, великій Сиддарта, извѣстный подъ именемъ Будды. Эта религія, однако, была искажена искусствомъ индусскихъ жрецовъ; они, вмѣсто того чтобы быть ей вѣрными, научали почитанію жрецовъ и вѣрѣ въ цѣнность обрядовъ, какъ истинной религіи индусовъ, и были причиной тому, что Буддизмъ укрылся на сѣверѣ за горами Тибета, на востокѣ въ Бирманіи, въ Китаѣ и въ Японіи, и на югѣ въ романтическомъ островѣ Цейлонѣ.

Если бы Буддизмъ могъ оставаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ во времена Асоки, Индія могла бы сохранить большую индусскую имперію, гдѣ могла бы гордиться государственной религіей, религіей, которая имѣла бы столь могущественное вліяніе, какъ религія христіанская. Къ несчастью для Индіи, по причинѣ эгоистическихъ намѣреній брахмановъ и невѣжеству массъ, пристрастившихся къ культу изображеній и къ символическому языку, эта замѣчательная познавательная способность, которая во многихъ отношеніяхъ походитъ на простое ученіе Богочеловѣка, Христа, была для нея потеряна, какъ и живая сила и символъ истиннаго Индуизма.

Однако, у насъ остались великія наставленія Упанишадъ. Но имъ недостаетъ религіознаго ученія о любви, отличительной буквы истиннаго духа Буддизма; она исчезла съ ея главной вѣтвью: Веданта, и другими развѣтвленіями, какъ философскія Санкья и Патаніала. Вотъ почему, хотя эти великія ученія позволяютъ человѣческому уму подыматься на уровень мечты и предъявляютъ намъ мысль о вѣчности, не имѣющую равной себѣ ни въ какой другой философіи, оставляютъ насъ холодными и не имѣютъ никакой пользы для обыденной жизни. Вотъ почему, также, Востокъ, затерявшійся въ своей метафизикѣ, остался такъ позади современной цивилизаціи. Подобно своимъ храмамъ, высѣченнымъ въ утесахъ, или уединеннымъ жилищамъ своихъ вожатыхъ, Индуизмъ, точно такъ же, какъ и Исламизмъ, не представляетъ больше

міровой силы, какъ того требовали бы его долгое прошлое и его благородная традиція.

Я не пришелъ, однакожъ, чтобы плакать, но чтобы сказать вамъ, что въ основѣ Индуизма находится доктрина всемірнаго братства и мира, подобно тому, какъ „Ахимта", т. е. совершенное жертвованіе.

Слѣдовательно, если вѣсть объ этой религіи можетъ принести нѣкоторую пользу для васъ, которыхъ я хотѣлъ бы называть моими братьями и сестрами, и если добрая воля такого мірянина, какъ я, можетъ нѣкоторымъ образомъ вдохновить въ васъ эту идею всеобщаго мира, за которую мы всѣ боремся, и которая, мы это знаемъ, не можетъ быть осуществлена цѣликомъ черезъ Лигу Націй, черезъ политику или стратегію, черезъ завоевательную способность, или черезъ исправленіе границъ, я счастливъ выразить вамъ мою самую глубокую симпатію въ предпринятой вами великой работѣ, которую вы стараетесь усовершенствовать съ помощью всѣхъ религіозныхъ исповѣданій міра.

Такъ какъ я Индусъ, и достигъ почти 50-лѣтняго возраста, то не забываю, среди страстей и честолюбій, что песочные часы моей жизни уже перевернуты. Я не забываю также, что, если „Банапраста" литературно не значитъ, что отказываются отъ своихъ дѣтей и міра, чтобы жить въ лѣсу, оно все же означаетъ вычеркиваніе въ нашемъ умѣ образовъ, начертанныхъ честолюбіемъ и жаждой силы, и ихъ постепенную замѣну исполненными красоты видѣніями природы и Великаго Создателя, какъ онъ объявляется во вселенной и въ особенности на землѣ, нашей матери.

Я не знаю, поняли ли вы смыслъ того, что я пытался вамъ сказать, но если это такъ, то вы поймете, что въ сердцѣ каждаго истиннаго Индуса, отреченіе отъ земныхъ благъ, отъ козней міра и отъ его соблазновъ, есть достояніе, которое восходитъ отъ временъ, когда смиренные иноки, которыхъ вы называете Rishis и Munis, воспѣвали чудесные гимны во славу Бога и Безконечно Невѣдомаго, восхваляя солнце, луну, океанъ, воздухъ и пространство, и ароматы, исходящіе отъ цвѣтовъ, деревьевъ и почекъ.

Это вѣсть отъ индусовъ объ отреченіи и ненасиліи, что я желаю вамъ принесть, какъ одновременно и мое одобреніе вашихъ благородныхъ стремленій и мое содѣйствіе вашимъ усиліямъ осуществить ихъ.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ. — Я счастливъ представить вамъ профессора Томоматсу, изъ Японіи, который принадлежитъ къ буддійскому вѣроисповѣданію.

ПРОФЕССОРЪ ТОМОМАТСУ.—Я счастливъ, Господа, имѣть возможность говорить отъ имени моихъ единовѣрцевъ и высказать ихъ самую искреннюю благодарность организаторамъ этой Конференціи, которая, надѣюсь, будетъ имѣть прочныя послѣдствія для цивилизаціи и мира.

Буддисты имѣютъ, по меньшей мѣрѣ, три повода радостно соучаствовать въ дѣлѣ нами подготовляемомъ. Названіе, данное проэктированному собранію, Всемірный Религіозный Конгрессъ Мира, показываетъ всю очевидность этихъ трехъ поводовъ.

Первый поводъ происходитъ отъ всемірнаго характера этого Конгресса. Истина можетъ быть найдена только въ томъ случаѣ, если ея разыскиваютъ по всѣмъ направленіямъ. Мы слишкомъ привыкли разсматривать наши личныя взгляды, какъ единственное и совершенное видѣніе правды. Преувеличенный патріотизмъ и опрометчивый страхъ ереси по природѣ неразумны и дали поводъ, предшествующимъ намъ поколѣніямъ, къ длиннымъ и безполезнымъ войнамъ. Чтобы положить конецъ этимъ тщетнымъ распрямъ, каждая религія должна отдѣлаться отъ духа догматическаго фанатизма и научиться понимать значеніе и цѣнность другой вѣры. Только такимъ образомъ мы сможемъ вмѣстѣ приняться за наше общее дѣло. Вѣрные наученіямъ Будды, его неутомимому зову къ совершенствованію, мы буддисты, мы готовы отказаться отъ всѣхъ нашихъ предубѣжденій, ибо мы хотимъ работать въ общемъ дѣлѣ съ послѣдователями всѣхъ азіатскихъ и европейскихъ религій.

Второй поводъ тотъ, что мы радуемся предложенной намъ работѣ, — религіознаго порядка. Соразмѣрно тому, что нашъ Конгрессъ долженъ быть религіознымъ, онъ выражаетъ нашу самую чистую и глубокую совѣсть и утоляетъ нашу жажду справедливости. Именно на Конгрессѣ не должно быть мѣста для дипломатическихъ хитростей, интригъ и оговорокъ. Отъ начала и до конца, мы должны выполнять наше великое дѣло, во имя и въ духѣ религіи. Мы должны отказаться отъ всѣхъ путъ эгоистическаго націонализма, отъ классовыхъ или соціальныхъ выгодъ; во всемъ и для всѣхъ мы должны представлять справедливость во имя любви къ справедливости. „Дхарма", т. е. Справедливость, есть сама сущность Буддизма, и мы, которые исповѣдуемъ эту вѣру, мы будемъ стараться осуществить ее въ духѣ свободы и искренности.

Нашъ третій поводъ стоитъ въ связи съ миромъ. Существуетъ ли, въ дѣйствительности, религія, старающаяся разрушить миръ?—Истинный миръ есть конечная цѣль и идеалъ всѣхъ религій. Но эта цѣль не должна оставаться навсегда недоступной. Слово миръ не должно оставаться терминомъ, лишеннымъ смысла. Мы часто слышимъ этотъ вопросъ: „Возможенъ ли продолжительный миръ?", — и мы должны отвѣтить: „да", соразмѣрно нашимъ усиліямъ осуществить его. Теперь не время обсуждать возможность прочнаго мира; теперь настало время дѣйствовать, чтобы установить его. Наша Конференція не должна окончиться просто нѣкоторымъ числомъ благородныхъ резолюцій, но она должна также представлять собою предположительный шагъ къ нашей цѣли.

Какова, въ настоящее время, эта цѣль? Что понимаютъ подъ словомъ миръ? Будетъ ли онъ опираться на военную силу? — Нѣтъ. Реальность мира не опредѣляется числомъ солдатъ или армій, она просто вытекаетъ изъ обстоятельствъ ежедневной жизни. Когда въ націи господствуютъ справедливость и благополучіе, тогда войны не бываетъ. Чтобы осуществить прочный миръ, люди должны научиться отказываться отъ эгоистическаго желанія завоеваній. Миръ не достигается слѣпымъ повиновеніемъ сильнѣйшей власти, но черезъ отреченіе отъ всѣхъ эгоистическихъ желаній. Онъ по существу „Нирвана" Буддизма. Нирвана есть, въ дѣйствительности, чистая общественная дѣятельность, очищенная отъ ложнаго и эгоистическаго желанія господства и завоеваній. Чтобы добыть миръ, мы сперва должны понять, какова его природа, и затѣмъ опредѣлить наши практическія средства для его осуществленія.

Во вниманіе къ большому мѣсту, которое Конференція удѣляетъ универсализму, религіозному чувству, миру,—отвѣчая такимъ образомъ именно наученіямъ Будды,—Буддисты всего міра будутъ счастливы принять участіе въ движеніи, которое мы сегодня открываемъ на пользу всего человѣчества.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ. — Я имѣю честь представить вамъ пастора С. Паркеса Кадмана, Предсѣдателя Федеральнаго Совѣта Христіанскихъ Церквей въ Америкѣ.

ПАСТОРЪ С. ПАРКЕСЪ КАДМАНЪ. — Проэктъ созыва Всемірной Религіозной Конференціи Мира, въ которой представители различныхъ историческихъ исповѣданій разсмотрѣли бы вопросы, относящіеся къ человѣческому братству, справедливости и международному миру, самъ говоритъ за себя, за одобреніе и за участіе Соединенныхъ Штатовъ Америки.

Мы знаемъ, что государственныя организаціи и правительства, желающія обезпечить спокойствіе своимъ народамъ, не могутъ дать ту основную мораль, которая необходима для уничтоженія войнъ.

Эту мораль, какъ сегодня утромъ напомнилъ намъ, съ такой силой, Главный Раввинъ Британской Имперіи, должна дать религія, но не религія—формалистка, а духовная, происходящая изъ совѣсти и переведенная въ реальное. Ибо, хотя религіи, представленныя на этомъ подготовительномъ собраніи, имѣютъ различныя тѣлосложенія, однакожъ у нихъ лишь одинъ голосъ, голосъ сострадані, справедливости и любви.

Этотъ голосъ еще не былъ услышанъ въ своемъ единствѣ, какъ могъ и долженъ быть услышанъ, ни принятъ націями и ихъ правителями, для неисчислимой пользы человѣчества.

Какъ вѣрующій, убѣжденный въ непререкаемой духовной цѣнности Іисуса для каждаго человѣческаго существа, я сердечно принимаю содѣйствіе нашихъ братьевъ изъ Индіи, Китая и Японіи. Ихъ литература освѣщаетъ нашу проблему. Веды, Коранъ, книги Буддистовъ, книги Конфуція, Мендзы и Модзе даютъ оружіе для нашего похода противъ войны. Онѣ напоминаютъ намъ, что Отецъ всѣхъ никогда не оставался безъ свидѣтелей. Они открываютъ намъ новые горизонты выше этой области, гдѣ „начинается синее“, и показываютъ намъ, что океаны простираются за нашими самыми далекими изслѣдованіями таинственнаго царства неизвѣстности.

Встрѣча этихъ различныхъ культуръ на одной Конференціи, посвященной уничтоженію признаннаго и всемірнаго зла, отмѣчаетъ новую дату въ тусклыхъ лѣтописяхъ нашей расы. Несомнѣнно, можно утверждать, что если Европа, Америка и Востокъ искренно желаютъ взяться за розыски порядка и безопасности, они должны сперва выполнить нравственныя и религіозныя условія, въ зависимости отъ которыхъ находятся эти благословенія. Они должны пропитать свои націонализмы гуманизмомъ. Они должны принять во вниманіе, что цѣлое больше части. И смыслъ ихъ обязанностей долженъ приходить къ нимъ подъ давленіемъ этого чистаго и великаго чувства, которое называется — отвращеніе къ злу, торжество правды, отреченіе отъ лжи, отъ предубѣжденій и отъ гордости. Можетъ казаться, что эти непреодолѣваемыя препятствія противопоставляются прогрессу, но другой дороги, чтобы довести насъ до цѣли, нѣтъ.

Съ другой стороны столь же легко, какъ и справедливо, осудить вооруженное насиліе, какъ дикій способъ дѣйствія, и какъ таковой слишкомъ сомнительный, слишкомъ несправедливый, и слишкомъ дорогой, чтобы быть сохраненнымъ при нравственномъ, научномъ и экономическомъ развитіи цивилизацій.

Война была годами любимымъ дѣломъ человѣка. Война вызывала порою худшія, чѣмъ сама по себѣ, состоянія. Націи, за исключеніемъ нѣсколькихъ, нагромоздили къ ея ногамъ свои дары по обѣту и чрезмѣрно расточали для нея свою кровь и богатства. Самые богатые вымыслы воображенія были употреблены, чтобы скрыть ея по существу гнусное дѣло за завѣсой безысходнаго пустословія. Мы не должны не считаться съ этой силой, такъ усердно культивированной. Изъ этого явствуетъ, что наше посвященіе себя на служеніе миру не слѣпо. Мы ясно понимаемъ, что постоянный миръ можетъ быть установленъ лишь благодаря общественному мнѣнію, неотмѣнно покорenному международной справедливости и честности, и что составленіе этого общественнаго мнѣнія требуетъ энергичнаго и неустаннаго содѣйствія всѣхъ заинтересованныхъ. На насъ лежитъ дѣло, нетерпящее отлагательства, настаивать, чтобы могущественныя націи не употребляли незаконно свои силы, не требовали подъ предлогомъ того, что они сильны, особыхъ правъ и преимуществъ. Болѣе слабыя націи должны воздержаться отъ этихъ вызывающихъ обратныхъ требованій, которыя иногда сопровождаютъ сознаніе физической подчиненности.

Для насъ, представителей религіозныхъ силъ міра и вѣрующихъ въ Отцовство Бога и Братство людей, пробилъ часъ религіознаго прогресса по всей линіи. Теперь, когда между многими націями заключенъ пактъ противъ войны, намъ слѣдуетъ поддержать отъ всего сердца и всѣми нашими силами этотъ пактъ и сдѣлать изъ него политическій законъ народовъ.

Этотъ долгъ тѣмъ болѣе настоятельный, что религія должна искупить зловѣщее прошлое. Слишкомъ часто она подчиняла свои миссію относительно человѣчества требованіямъ національной политики и пагубному честолюбію возвышенія и завоеваній. Башенные часы Бога не бьютъ часто, но когда они бьютъ, то ихъ слышатъ всѣ чистыя души. Они бьютъ въ этотъ моментъ и именно здѣсь. Какъ драгоцѣнно было бы для насъ, если во имя нашихъ самыхъ дорогихъ вѣрованій мы смогли бы услышать ихъ предостереженіе. Но если мы откажемся ихъ слушать, подъ предлогомъ того, что требуемое ими превыше человѣческихъ возможностей, послѣдствія были бы невыразимо ужасны.

Разрѣшите мнѣ сказать, отъ имени Американскихъ Церквей, что наивное восхваленіе довоенныхъ дипломатическихъ системъ кажется намъ полнымъ заблужденіемъ. Мы не намѣрены довѣрить великія проблемы войны и мира маленькимъ политическимъ партіямъ, практически безсильнымъ. Мы зовемъ къ интернаціонализму, международному братству, въ которомъ употребленіе физической силы, для поддержанія государственной политики, будетъ совершенно изгнано. Мы желаемъ видѣть мирное разрѣшеніе международныхъ ссоръ съ помощью законнаго судопроизводства. Мы требуемъ полнаго сокращенія арміи и флота, и принимаемъ лишь сохраненіе военной силы необходимой для полицейской службы на землѣ и на морѣ. Мы настаиваемъ, чтобы политическіе люди и юристы были проникнуты такимъ же религіознымъ идеаломъ, какой обнаружился на этой Конференціи. И мы поддерживаемъ эти идеи, потому что вѣра все болѣе и болѣе распространяется между нами, что война Богомъ проклята, и что наступленіе Его Царства всемірнаго братства и жертвенности не можетъ имѣть мѣста при нынѣшнемъ режимѣ.

А также, ни Лига Націй, ни Судебный Трибуналъ, ни Пактъ Келлога, ни панацеи противъ войны. Какъ разъ напротивъ. Они останутся лишь любезными жестами, если не будутъ сопровождаться столь необходимыми реформами въ взаимоотношеніяхъ между націями и современнымъ трактованіемъ острыхъ кризисовъ націонализма. Въ дѣйствительности, война не будетъ упразднена законами. Но она можетъ быть отвращена единодушнымъ желаніемъ народовъ, какъ презрѣнное и грязное дѣло. Если, во имя своихъ общихъ интересовъ, они смѣло заявятъ, что не допустятъ примѣненіе силы для улаженія конфликтовъ, то этимъ они выразятъ свое хотѣніе вѣчнаго мира.

Я не могу понять нашей неспособности достичь этой цѣли, лишь бы только мы были мысленно согласны и съумѣли бы привлечь общественное мнѣніе, которое есть ключъ отъ свода этого предпріятія. Такимъ образомъ, мы пойдемъ противъ тѣхъ, которые утверждаютъ, что война неизбѣжна. Кажется, что они ничему не научились изъ ужасныхъ уроковъ послѣдней катастрофы. Они еще употребляютъ свой старый жаргонъ о національной чести, о покровительствѣ торговлѣ и благотворныхъ слѣдствіяхъ грозныхъ вооруженій. Въ настоящее время они не пользуются успѣхомъ, но они стоятъ твердо и питаютъ надежду, что ненависть къ войнѣ, въ настоящее время такая

острая, утихнетъ, что возвратится старое настроеніе, и что борьба получитъ обратно свою соблазнительность. Если они будутъ имѣть успѣхъ, то это докажетъ, что сама религія пронзена кинжаломъ своихъ собственныхъ друзей. Но они не одержатъ успѣха, если тѣ, которые знаютъ, что какова бы ни была цѣна мира—война безконечно дороже, соединятся и будутъ дѣйствовать заодно.

Созовемъ же Всемірный Конгрессъ, открытіемъ котораго есть сегодняшнее вечернее собраніе; созовемъ его во имя Бога, нашего Отца, и по любви ко всѣмъ Его дѣтямъ.

Въ ожиданіи сессіи этой Конференціи, скажите народамъ, что вы страшитесь того, что война унизитъ человѣческое лицо, подготовитъ анархію и разрушитъ всѣ ферменты любви и справедливости.

Сдѣлайтесь защитниками доброй воли, терпимости, довѣрія, понятливости; сражайтесь со страхомъ, съ гордостью, презрѣніемъ и ненавистью, которые оскверняютъ и мутятъ человѣчество. Дѣло идетъ о спасеніи будущаго религіи и народовъ.

Та вѣра переживетъ и побѣдитъ, которая владѣетъ высшимъ идеаломъ и для его осуществленія принесетъ величайшія жертвы. Та нація будетъ руководить миромъ, которая всѣхъ больше будетъ содѣйствовать человѣческому благополучію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. САВОСТЬЯНОВЪ.

Игнатій Николаевичъ Потапенко.

(1856—1929).

Въ концѣ Іюня нынѣшняго года газеты принесли печальное извѣстіе о кончинѣ талантливаго русскаго писателя Игнатія Николаевича Потапенка, произведенія котораго пользуются большой извѣстностью и любовью читающей публики.

И. Н. Потапенко родился въ селѣ Федоровкѣ Херсонской губерніи, въ декабрѣ 1856 года. Мать его происходила изъ мѣстной крестьянской среды. Отецъ Потапенка сначала былъ офицеромъ Уланскаго полка, а впослѣдствіи кореннымъ образомъ перемѣнилъ свою карьеру и сдѣлался священникомъ. Это обстоятельство, ясно показывающее, что и въ то спокойное и мирное время русская интеллигенція не была свободна отъ идейныхъ исканій, отразилось на судьбѣ Игнатія Николаевича. Восьмилѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ помѣщенъ въ Херсонское духовное училище, по окончаніи котораго продолжалъ образованіе въ Одесской духовной семинаріи. Но, дойдя до богословскихъ классовъ, онъ вышелъ изъ семинаріи и поступилъ въ Новороссійскій университетъ, изъ котораго черезъ нѣкоторое время перевелся въ Петербургскій, гдѣ проходилъ курсъ историко-филологическаго факультета. Но и тамъ онъ пробылъ недолго и поступилъ въ Петербургскую консерваторію, которую окончилъ успѣшно, обладая хорошимъ голосомъ.

Первое произведеніе И. Н. Потапенка появилось въ печати въ 1881 году въ Вѣстникѣ Европы. Это былъ очеркъ „Феденька". Съ этого времени его разсказы печатались въ Петербургскихъ журналахъ до 1866 года, когда повѣсть „Святое искусство" пріобрѣтаетъ ему большую извѣстность. Въ 1890 году появились крупныя произведенія Потапенка: повѣсть „На дѣйствительной службѣ", романъ „Здравыя понятія", повѣсть „Секретарь его превосходительства" и разсказъ „Проклятая слава". Съ этого времени извѣстность Потапенка настолько увеличивается, что въ томъ же 1890 году выходитъ первое собраніе его сочиненій, изданное Ф. Ф. Павленковымъ. Въ 1893 году его сочиненія издаетъ А. Ф. Марксъ, чѣмъ еще больше упрочивается его извѣстность. Теперь его разсказы являются частымъ украшеніемъ очень популярнаго и распространеннаго еженедѣльнаго журнала „Нива".

И. Н. Потапенко обладалъ несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ и принадлежитъ къ выдающимся бытописателямъ своего времени. Его произведенія оставили глубокій слѣдъ въ русской литературѣ, хотя и не сопровождались такимъ громкимъ шумомъ, какъ произведенія Горькаго, Андреева и Арцыбашева. Несмотря на это, творчество позднѣйшихъ только что указанныхъ писателей не затмило славы Потапенка, и его сочиненія продолжали пользоваться любовью читающей публики. Это обстоятельство заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что Потапенко никогда не билъ на эффектъ и не игралъ на низкихъ и темныхъ страстяхъ людей, что въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго XIX столѣтія стало входить въ моду и клало особый отпечатокъ на произведенія молодыхъ, такъ называемыхъ „передовыхъ", писателей.

Такой строгій критикъ, какъ А. М. Скабичевскій, въ своей „Исторіи новѣйшей русской литературы" благосклонно отзывается о талантѣ Потапенка, отмѣчая его „ясный и добрый взглядъ на жизнь, исполненный добродушно-незлобиваго оптимизма, и совершенное отсутствіе мрачнаго скептицизма современной беллетристики".

„Какія бы ужасныя вещи ни изображались въ произведеніи Потапенка, читатель выноситъ бодрящее чувство отрады; на душѣ у него становится свѣтло, и онъ готовъ бываетъ даже воскликнуть: „а какъ бы то ни было, все-таки хорошо на бѣломъ свѣтѣ!" Такъ пишетъ о немъ А. М. Скабичевскій.

Этотъ добрый тонъ и свѣтлое настроеніе, которымъ проникнуты произведенія Потапенка, слѣдуетъ поставить ему въ большую и особенно важную заслугу, такъ какъ они являлись хоть нѣкоторымъ противоядіемъ тому ужасному упадку духа, которымъ характеризуется безвременье и безлюдье 90-хъ годовъ, съ безвольными нытиками и неврастениками, чувствующими свою полную негодность и неприспособленность къ жизни. Если бы въ эти годы не писалъ Потапенко, эпоха безвременья казалась бы еще болѣе тяжелой и безотрадной, и русская жизнь за это время была бы представлена слишкомъ односторонне и мрачно.

Потапенко вовсе не являлся панегиристомъ своей эпохи, въ которой было много, дѣйствительно, отрицательнаго и непривлекательнаго, онъ также безпощадно раскрывалъ современныя общественныя язвы и пороки и бичевалъ темныя, злыя проявленія людскихъ страстей, но онъ только не сгущалъ до чрезмѣрности этихъ темныхъ красокъ, показывая при изображеніи возмутительныхъ явленій, что въ жизни существуютъ и другіе факторы, дѣйствующіе смягчающимъ образомъ, по выраженію А. М. Скабичевскаго, „нейтрализуя драматизмъ".

Поэтому слѣдуетъ признать совершенно справедливымъ замѣчаніе А. М. Скабичевскаго, что „читатель съ большимъ удовольствіемъ читаетъ произведенія Потапенка и, не удовлетворяясь въ одномъ отношеніи, въ другомъ—напротивъ того—выноситъ чувство полнаго удовлетворенія и большое эстетическое удовольствіе". „Это зависитъ", по мнѣнію Скабичевскаго, „оттого, что въ произведеніяхъ Потапенка, есть еще элементъ, самый существенный въ его творчествѣ, преобладающій надъ всѣми другими,— это смѣхъ, юморъ".

Признавая это свойство таланта писателя осо-

бенно цѣннымъ, Скабичевскій находитъ, что значеніе „добродушнаго, но тѣмъ не менѣе мѣткаго и безпощаднаго юмора Потапенка заключается въ томъ, чтобы, уловивши смѣшныя и глупыя стороны изображаемыхъ лицъ, обнаружить всю нелѣпицу скрывающихся въ нихъ противорѣчій". Вслѣдствіе этого онъ считаетъ, что даже въ произведеніяхъ, „задуманныхъ не ради одного смѣха, самыми прекрасными страницами являются опять-таки тѣ, гдѣ разыгрывается юморъ автора".

Указавъ эти особенности и характерныя черты литературнаго таланта покойнаго писателя, мы должны отмѣтить еще одну заслугу Потапенка, именно: онъ является однимъ изъ талантливыхъ и рѣдкихъ изобразителей жизни и быта православнаго русскаго духовенства. Его перу принадлежатъ лучшіе разсказы изъ этой области. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ въ одномъ ряду съ знаменитымъ Лѣсковымъ и вполнѣ обезпечилъ себѣ безсмертную извѣстность среди потомковъ.

Потапенко мастерски изображаетъ наше православное духовенство, укладъ его жизни, особенности и традиціи, выработанныя этимъ сословіемъ, живо и чутко откликаясь на каждое явленіе, какъ свѣтлаго, положительнаго свойства, такъ равно и темнаго, отрицательнаго, требующаго немедленнаго искорененія и уничтоженія. Но при всемъ томъ, при полной правдивости и безпощадной реальности изображенія жизни духовенства, начиная съ его низовъ, низшаго, забитаго клира, и кончая верхами—столичнымъ и губернскимъ духовенствомъ и даже архіереями, онъ всегда былъ проникнутъ какимъ-то теплымъ чувствомъ, даже можно сказать, любовью къ этому сословію, въ которое такъ неожиданно вступилъ его отецъ, раньше принадлежавшій къ военной средѣ.

Поступивъ въ Херсонское духовное училище, Потапенко засталъ еще въ теченіи двухъ лѣтъ бурсу стараго, дореформеннаго образца и испыталъ всѣ ужасы этой уродливой формы воспитанія и обученія съ поркой, аудиторами и другими отжившими явленіями, давно ушедшими въ область невозвратнаго прошлаго. Но онъ, какъ и многіе другіе, дѣйствительно, одаренные истинной талантливостью люди, не загубилъ своего дара и въ той суровой и непривѣтливой обстановкѣ, а сохранилъ живую и впечатлительную душу и пронесъ искру святого огня и идейность настроенія черезъ всю жизнь, несмотря ни на какіе ужасы и суровыя жизненныя явленія.

Очень часто въ своихъ замѣчательныхъ разсказахъ изъ духовнаго быта Потапенко показываетъ намъ тяжелую, неприглядную жизнь низшаго клира, съ непроходимой нуждой, иногда прямо даже голодовкой многосемейныхъ дьячковъ и дьяконовъ, находящихся на псаломщической вакансіи, но тутъ же онъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на силѣ духа, на томъ почти подвижническомъ терпѣніи и истинно евангельскомъ смиреніи, съ которыми эти люди переносятъ свою тяжелую долю, надѣясь своимъ дѣтямъ дать образованіе и отказывая себѣ во всемъ для выполненія этой благородной и самоотверженной задачи. Вотъ почему мы и видимъ въ его произведеніяхъ, какъ это бываетъ сплошь и рядомъ въ дѣйствительной жизни, что сыновья бѣдныхъ дьячковъ и дьяконовъ, неизбалованные жизнью, но одаренные талантливостью, не только кончаютъ семинарію и становятся священниками, но съ успѣхомъ проходятъ духовную академію и занимаютъ высшія іерархическія должности, сохраняя чуткость къ нуждѣ и искреннюю любовь къ бѣднымъ простымъ людямъ, что гораздо рѣже встрѣчается въ другихъ сословіяхъ.

Такъ трогателенъ, напримѣръ, его разсказъ „Шестеро", въ которомъ онъ необыкновенно сильными красками изображаетъ вопіющую нужду и прямо даже гибель отъ голода семьи отца дьякона Антонія Бубырко, жена котораго умираетъ отъ чахотки, оставляя своему 28-лѣтнему мужу шестеро дѣтей. Всѣ ихъ мечты и надежды на священство о. Антонія разбиваются о постоянныя препятствія, хотя самъ архіерей знаетъ объ усердіи о. Антонія, объ его успѣшныхъ занятіяхъ въ школѣ и хочетъ помочь ему, но признаетъ необходимымъ временно отложить его посвященіе. Умирающая жена убита такимъ оборотомъ дѣла и наканунѣ своей смерти убѣждаетъ бѣднаго мужа немедленно ѣхать къ архіерею, упасть къ ногамъ и умолять владыку смилостивиться, такъ какъ, овдовѣвши, онъ потеряетъ право на полученіе священнической должности до 40-лѣтняго возраста. О. Антоній, горячо любившій свою жену, съ разрывающимся отъ боли и горя сердцемъ, оставляетъ ее на попеченіе своей сестры и въ ночь на субботу выѣзжаетъ въ губернскій городъ къ владыкѣ. Къ архіерейскимъ покоямъ онъ поспѣваетъ какъ разъ къ 12 часамъ дня, когда владыка выходитъ на пріемъ. Весь забрызганный грязью, не имѣя возможности переодѣться, о. Антоній бросается въ пріемную къ владыкѣ, гдѣ всѣ ожидавшіе пріема были поражены его ужаснымъ видомъ. Когда архіерей вошелъ къ собравшимся, взволнованный о. дьяконъ съ рыданіями упалъ къ ногамъ владыки. Видя его невѣроятное горе и крайнюю нужду, архіерей не разгнѣвался на дерзость бѣднаго измученнаго человѣка, осмѣлившагося явиться къ владыкѣ, не переодѣвшись съ дороги, милостиво и ласково бесѣдовалъ съ нимъ въ отдѣльной комнатѣ и, входя въ его положеніе, назначилъ на слѣдующій день, въ воскресенье, рукоположеніе въ іерея. Получивъ посвященіе, о. Антоній въ страшномъ волненіи спѣшитъ домой, но въ живыхъ уже не застаетъ своей дорогой жены и пріѣзжаетъ въ тотъ моментъ, когда о. настоятель собирается служить по ней литію. Ему приходится выступить на этой литіи въ первый разъ въ качествѣ священника. Необыкновенный трагизмъ положенія заключается въ томъ, что онъ получаетъ исполненіе многолѣтнихъ мечтаній одновременно съ величайшимъ ударомъ—смертью горячо любимой жены, которая, умирая, все время повторяла ихъ завѣтную мечту: „если бы владыко смилостивился и рукоположилъ его въ священники!" Убитый горемъ, о. Антоній считаетъ, что Богъ услышалъ ея предсмертную молитву ради шестерыхъ дѣтей, которымъ онъ теперь сможетъ дать другую жизнь и приличное образованіе.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ повѣсть Потапенка: „На дѣйствительной службѣ".

Въ этомъ произведеніи онъ выводитъ типъ идеальнаго молодого священника, который по окончаніи курса въ духовной академіи первымъ магистрантомъ, отказывается отъ предложенія готовиться къ профессурѣ, а возвращается къ себѣ на родину и проситъ у преосвященнаго назначеніе на должность сельскаго священника. Всѣ, не исключая и родныхъ, очень удивлены поступкомъ молодого академика, да еще перваго магистранта. Но владыка послѣ разговора съ Кирилломъ Обновленскимъ (такъ называется этотъ идеальный человѣкъ) убѣждается въ искренности и идеальномъ его настроеніи, исполняетъ его желаніе и обѣщаетъ ставить въ образецъ для всей епархіи. Зато родители невѣсты Обновленскаго стараются отговорить свою дочь Муру отъ выхода замужъ за такого чудака, такъ какъ имъ кажется обиднымъ, что зять соборнаго протоіерея будетъ только простымъ сельскимъ священникомъ. Дочь не поддается уговорамъ, главнымъ образомъ своей матери, выходитъ замужъ за Кирилла Обновленскаго, хотя въ глубинѣ души жалѣетъ, что ей не пришлось жить въ самой столи-

цѣ, какъ она мечтала, зная объ отличныхъ успѣхахъ своего жениха въ Академіи.

Пріѣхавъ въ мѣстечко Луговое, куда онъ былъ назначенъ настоятелемъ, о. Кириллъ сразу же вступаетъ въ борьбу съ другимъ священникомъ, дьякономъ и псаломщикомъ, требуя, чтобы они не торговались съ прихожанами за совершаемыя требы, а брали бы только то, что имъ даютъ. Прихожане слишкомъ начинаютъ злоупотреблять этимъ новымъ правиломъ, и доходы въ первую же недѣлю сокращаются съ 40 рублей только до 14. Такой оборотъ дѣла тревожитъ стараго священника о. Родіона, не получившаго академическаго образованія и не понимавшаго идейныхъ побужденій своего молодого и образованнаго настоятеля.

Тогда онъ обращается съ жалобой къ богатой помѣщицѣ, являвшейся прихожанкой этого храма, чтобы она подѣйствовала на о. настоятеля, заводящаго такіе порядки, при которыхъ семейнымъ людямъ невозможно жить. Помѣщица, Надежда Алексѣевна Крупѣева, обрадованная возможностью познакомиться съ образованнымъ батюшкой, приглашаетъ его къ себѣ и охотно вызывается притти ему на помощь для поддержанія такой хорошей идеи, какъ отказъ отъ вознагражденія за церковныя требы. Для этого она соглашается изъ своихъ средствъ назначить жалованіе священникамъ по 50 рублей, дьякону 30 и псаломщику 25 въ мѣсяцъ. Практичный о. Родіонъ не могъ удовлетвориться такимъ уменьшеніемъ своихъ доходовъ по крайней мѣрѣ вдвое и поѣхалъ къ архіерею. Преосвященный былъ въ восторгѣ отъ новыхъ порядковъ, заведенныхъ о. Кирилломъ, но однако призналъ, что не всѣ могутъ довольствоваться такимъ скуднымъ жалованіемъ и предложилъ о. Родіону перевести его въ другой приходъ.

Въ теченіи полгода о. Кириллъ одинъ спокойно жилъ въ своемъ приходѣ, довольный тѣмъ, что совершенно безвозмездно исполняетъ церковныя требы. Соборная протоіерейша, пріѣзжая навѣщать свою дочь, приходила въ ужасъ, что они ничего не пріобрѣли за это время и живутъ въ крайней бѣдности. Она пробовала убѣждать своего зятя, но скоро увидѣла полную безполезность этого.

Другой священникъ также не вынесъ такого подвижническаго и самопожертвованнаго образа жизни и сбѣжалъ изъ этого прихода. О. Кириллъ снова остался одинъ. Свою часть церковной земли въ количествѣ 50 десятинъ онъ отдалъ діакону и псаломщику, чѣмъ прямо-таки поразилъ ихъ окончательно.

Особенно необыкновенную самопожертвованность и энергію проявилъ о. Кириллъ во время голода, поразившаго весь уѣздъ. О. Кириллъ явился къ помѣщицѣ и съ видомъ грознаго пророка потребовалъ отъ нея пожертвованій для умирающихъ отъ голодной смерти людей. Крупѣева была поражена перемѣной, происшедшей въ скромномъ обыкновенно батюшкѣ. Она пожертвовала 300 рублей, стала обходить хаты голодныхъ и больныхъ брюшнымъ тифомъ людей, велѣла управляющему своимъ имѣніемъ раздавать голоднымъ хлѣбъ. На требованіе о. Кирилла изъ города былъ присланъ хорошій докторъ Сапожковъ.

Самопожертвованность и энергія этихъ трехъ человѣкъ, горячо отдавшихся работѣ на благо ближнимъ, совершенно заставила ихъ забыть свою личную жизнь. Они кормили голодныхъ, постоянно навѣщали больныхъ, ухаживая за ними и забывая объ опасности заразиться.

Соборная протоіерейша Фортификантова, увидѣвъ, что дочь съ ребенкомъ сидитъ въ домѣ одна, была прямо-таки взбѣшена и, не дожидаясь возвращенія о. Кирилла съ обхода больныхъ, увезла Муру съ внукомъ въ городъ, забравъ все имущество. О. Кириллъ былъ очень ошеломленъ подобнымъ поступкомъ, но не оставилъ своего поста въ такой отвѣтственный моментъ и не полетѣлъ за своей женой.

Въ это время эпидемія была побѣждена самопожертвованной, нечеловѣческой работой о. Кирилла и его помощниковъ. Народъ сталъ успокаиваться и свое восторженное отношеніе и благодарное чувство выразилъ устами одного стараго дѣда, плакавшаго отъ умиленія, который говорилъ: „Христовы люди на землѣ проявились, вотъ что! Все одно какъ бы мученики! Примѣрно, батюшка: младъ, и какіе подвиги подѣялъ... Ахъ ахъ-ахъ! Восемь десятковъ на свѣтѣ живу, миленькій, а такого не видалъ. Истинно посланецъ Божій!.. И опять же барынька и лѣкарь какъ трудятся... Ангелы, а не человѣки! Истинно ангелы. И знаешь, миленькій, когда видишь такихъ людей—и грѣшить стыдно. Ангелы, ангелы!"

Когда же была совершена торжественная литургія по случаю прекращенія эпидеміи, народъ, выйдя изъ церкви, не расходился, а ждалъ батюшку. При появленіи о. Кирилла тотъ же самый, плакавшій на канунѣ отъ умиленія дѣдъ обратился съ рѣчью: „Батюшка, и вы всѣ, господа! Посѣтилъ насъ Господь, и, по бѣдности своей, не имѣемъ, чѣмъ заплатить вамъ. А ужъ какъ мы чувствуемъ—вотъ пускай весь міръ скажетъ, какъ мы чувствуемъ! Одно скажу: такого батюшки и господъ такихъ, должно быть, еще и на свѣтѣ не было и не будетъ. Вотъ какъ мы чувствуемъ!"

При этихъ словахъ старикъ опустился на колѣни. Очень многіе послѣдовали его примѣру. Бабы схватывали концы рясы о. Кирилла и прикладывали ихъ къ губамъ. Картина была, дѣйствительно, трогательная и потрясающая. Помѣщица Крупѣева не могла смотрѣть равнодушно на эту захватывающую сцену.

О. Кириллъ воспользовался умѣло представившимся ему случаемъ и потребовалъ отъ прихожанъ, чтобы они тутъ же, „очищенные умиленіемъ, дали ему клятву никогда не пить лишняго, а деньги, которыя раньше тратили на это, откладывать въ общую кассу для помощи ближнему—на черный день!"

И народъ съ восторгомъ принесъ великую клятву своему любимому, идеальному и самопожертвованному священнику, отказавшемуся отъ карьеры, личнаго семейнаго счастья и земныхъ богатствъ, ради евангельской любви и служенія меньшему брату.

Вотъ въ главныхъ чертахъ содержаніе этой интересной и поучительной повѣсти Потапенка.

Воспроизводя ее въ памяти, невольно удивляешься тому, какое громадное значеніе эта повѣсть имѣетъ въ наше время, время самопожертвованнаго служенія православнаго духовенства Св. Церкви и своей паствѣ.

Тогда былъ голодъ въ одномъ уѣздѣ, — и онъ пробудилъ къ энергичной, истинно-пастырской самопожертвованности и безкорыстной дѣятельности священника, отказавшагося отъ семейнаго, личнаго, мѣщанскаго счастья, теперь, когда вся Россія гибнетъ и отъ голода и отъ антихристовой, безбожной работы, удивительная, бескорыстная самопожертвованность русскаго духовенства, проявленная передъ цѣлымъ міромъ, доказала, что не ошибся Потапенко, создавая типъ идеальнаго священника, онъ пророческимъ окомъ провидѣлъ эту великую жертвенность и поразительную идеальность русскаго духовенства даже тогда, въ тѣ времена спокойнаго и мирнаго бытія, когда эта способность къ жертвенности и евангельскому служенію лишь слабо мерцала въ отдѣльныхъ свѣтлыхъ личностяхъ, рѣдко появлявшихся на горизонтѣ тогдашней сѣрой, однообразной жизни.

Не будемъ говорить о другихъ многочисленныхъ

произведеніяхъ Потапенка, рисующихъ разныя стороны быта православнаго духовенства, скажемъ только, что теперь, когда умеръ этотъ замѣчательный, вѣщій писатель—И. Н. Потапенко, онъ дѣлается достояніемъ исторіи. Исторія вынесетъ о немъ свой справедливый и безпристрастный приговоръ и не оставитъ его незамѣченнымъ среди другихъ выдающихся русскихъ писателей, а отведетъ ему достойное и вполнѣ заслуженное имъ мѣсто.

Въ Россіи, какъ всѣмъ извѣстно, не умѣютъ въ достаточной мѣрѣ цѣнить своихъ талантливыхъ людей, въ другой странѣ Потапенко давно бы, еще при жизни, былъ бы прославленъ и восхваленъ сообразно его талантливости и крупнымъ литературнымъ заслугамъ.

Православному духовенству надлежитъ отнестись съ особенной любовью и вниманіемъ къ И. Н. Потапенку, какъ изобразителю своихъ нуждъ и идейныхъ запросовъ.

И мы искренно вѣримъ, что память объ Игнатіѣ Николаевичѣ никогда не умретъ, она вѣчно будетъ жить и свято будетъ сохранена почитателями его таланта и передана послѣдующимъ поколѣніямъ.

Церковное обозрѣніе.

Въ совѣтской Россіи гоненія на Церковь не прекращаются. Въ Петроградѣ большевиками закрыта б. церковь Гренадерскаго полка, въ зданіи которой устроены аудиторіи электротехническаго института.

„Уч. Газета" сообщаетъ, что первый университетъ воинствующихъ безбожниковъ будетъ надняхъ открытъ въ Новороссійскѣ.

Послѣ одного года обученія студенты-коммунисты получатъ званіе квалифицированнаго пропагандиста безбожника и будутъ назначаться на платныя должности.

Объ этомъ „Красная Газета" сообщаетъ:

Мѣста для слушателей въ антирелигіозный петроградскій университетъ были распредѣлены между профсоюзами, обязанными командировать рабочихъ и служащихъ, интересующихся антирелигіозной работой. Такихъ почти не оказалось. Вмѣсто 500 слушателей пока командировано 50-60 человѣкъ, хотя сроки командировки давно прошли. Крупнѣйшіе заводы не прислали ни одного человѣка.

——

На конгрессѣ „Всемірнаго содружества народовъ черезъ Церковь", состоявшемся въ Авиньонѣ, митрополитъ болгарскій Стефанъ произнесъ большую рѣчь, выслушанную съ исключительнымъ вниманіемъ.

Свое слово Митрополитъ Стефанъ началъ текстомъ изъ пророка Исаіи:

— Будетъ въ послѣдніе дни явлена гора Господня и Домъ Божій на версѣ Горы: потщатся къ ней людіе и раскуютъ мечи своя на орала и копія своя на серпы, и не научатся къ сему воевати: и почіетъ кійждо подъ лозою своей и не будетъ устрашающаго...

Вспомнилъ слова пророка митрополитъ Стефанъ, проѣзжая черезъ Женеву и глядя на гору Монбланъ, у подножья которой „миротворцы, устрашенные ужасами прошлыхъ войнъ, опасающіеся приготовленій къ страшнымъ, будущимъ войнамъ, пытаются устранить поводы новыхъ столкновеній, грозящихъ не только современной цивилизаціи, но всему человѣчеству". Но не можетъ быть успѣшной работы въ Женевѣ, если рядомъ не явятся учрежденія и силы, способныя внѣдрить въ душахъ внутренній миръ. Эта задача стоитъ передъ конгрессомъ въ Авиньонѣ... Только въ Церкви существуетъ въ настоящее время подлинный миръ. Церковь всегда была и будетъ Царствомъ Мира на землѣ.

— Только Церковь нынѣ можетъ и должна предпринять крестовый походъ въ пользу мира...

Современное состояніе міра вызываетъ въ митрополитѣ Стефанѣ содроганіе и тревогу за будущее. Сравнивъ нашъ вѣкъ „съ годами передъ появленіемъ кометы 1770 года, когда все человѣчество въ ужасѣ ждало катастрофы и конца земли", владыка и теперь видитъ „въ небѣ красную звѣзду большевизма, грозящую цивилизаціи и міру".

— Будемъ надѣяться, — закончилъ свою рѣчь Іерархъ болгарской Церкви,—что, какъ комета 1770 года миновала землю, такъ и красная звѣзда большевизма минуетъ человѣчество, пронесется и исчезнетъ навѣки въ безмѣрномъ пространствѣ.

Собравшіеся въ Авиньонѣ представители разныхъ Христіанскихъ Церквей должны объединиться и слиться въ общемъ усиліи, чтобы объединить человѣчество въ стѣнахъ Церкви и осуществить въ духовномъ планѣ „ту работу, которой въ планѣ практическомъ занята Женева".

——

„Комс. Правда" возмущена:

„Въ г. Кашинѣ на тыс. жителей—33 церкви, 3 монастыря и 3 тысячи лишенцевъ. Ни одна изъ церквей ни закрыта. Оффиціально существуетъ женскій монастырь, и въ соборѣ находятся единственныя въ совѣтскомъ союзѣ нетлѣнныя мощи Анны Кашинской.

По субботамъ, когда во всѣмъ церквахъ начинается торжественный благовѣстъ, закрывается единственный садъ, выключается электрическій свѣтъ, замираетъ вся общественная жизнь города. Въ городѣ, гдѣ 33 церкви, нѣтъ ни одного клуба".

——

Въ Твери скончался б. оберъ-прокуроръ Св. Синода В. К. Саблеръ.

Политическое обозрѣніе.

Въ виду достиженія въ основѣ соглашенія между Англіей и Соедин. Штатами по вопросу объ ограниченіи морскихъ вооруженій, англійское правительство сообщило Франціи и Японіи, что предполагаетъ созвать въ январѣ конференцію морскихъ державъ въ Лондонѣ для обсужденія англо-американскаго проекта. Свѣдѣнія объ отношеніи японскихъ правительственныхъ круговъ къ этому предположенію нѣсколько противорѣчивы; повидимому, между Англіей и Японіей ведутся какіе-то переговоры по морскому вопросу. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, Японія, вѣроятно, приметъ англійское приглашеніе, но, можетъ быть, предложитъ нѣсколько отложить созывъ конференціи.

Во французской печати англійская иниціатива встрѣчена не очень благопріятно. Высказываются опасенія, что англо-американскій проектъ разоруженія приведетъ къ безусловной морской гегемоніи англосаксонскихъ державъ. Въ особенности, непріемлемымъ для Франціи признается запрещеніе подводныхъ лодокъ, которое, по имѣющимся свѣдѣніямъ, предполагается въ англо-американскомъ проектѣ. Указывается также, что Франціи, въ отличіе отъ державъ, обладающихъ крупнымъ броненоснымъ флотомъ, необходимы мелкія военныя суда для охраны сношеній съ ея колоніями. Въ связи съ этими соображеніями, выдвигается мысль о предварительно франко-итальянскомъ соглашеніи до конференціи. Съ другой стороны, по свѣдѣніямъ изъ Америки, американскіе правительственные круги никоимъ образомъ не желаютъ навязывать Франціи чтобы то ни было. Этому соотвѣтствуетъ и рѣчь Гувера, тщательно выдержанная въ самыхъ общихъ тонахъ.

Одновременно съ этими спорами по морскому вопросу, усиленно обсуждается слухъ о предполагаемомъ правительствомъ Макдональда „наступленіи" по

вопросу о сухопутномъ разоруженіи, и объ отказѣ его отъ уступки, сдѣланной консервативнымъ правительствомъ въ пользу Франціи въ вопросѣ объ обученны резервахъ; высказывается, впрочемъ, и мнѣніе, что англійское правительство желаетъ использовать этотъ послѣдній вопросъ только въ качествѣ орудія давленія на Францію, въ случаѣ разногласій по морскому вопросу. Въ комиссіи Лиги Націй англійскій делегатъ лордъ Сесиль выступилъ съ проектомъ резолюціи о необходимости ускоренія работъ подготовительной комиссіи по разоруженію и разрѣшенія принципіальныхъ вопросовъ, оставленныхъ открытыми этой комиссіей. Однако, лордъ Сесиль не коснулся вопроса о резервахъ, а подчеркивалъ необходимость ограниченія военнаго снабженія, что вовсе не предусматривается проектомъ комиссіи. Англійское предложеніе было поддержано гражданскимъ делегатомъ гр. Бернсторфомъ, по мнѣнію котораго создается впечатлѣніе, что подготовительная комиссія стремится къ „соглашенію о недопущеніи дѣйствительнаго разоруженія", —а, также делегатами Австріи, Даніи и Швеціи. Въ противоположномъ смыслѣ высказались делегаты Франціи, Польши и Югославіи, а также голландскій делегатъ, предсѣдатель подготовительной комиссіи, Лудонъ, указавшій на неудобство вмѣшательства комиссій и общаго собранія Лиги Націй въ работу подготовительной комиссіи, такъ какъ послѣдняя, получивъ инструкціи отъ Совѣта Лиги, включила въ свой составъ представителей государствъ, не состоящихъ членами Лиги.

——

Послѣдній по времени изъ послѣ-военныхъ диктаторскихъ режимовъ, повидимому, переживаетъ „сумерки". Ушла пока не диктатура, но ушелъ диктаторъ. Формальная возможность мирной отставки Вольдемараса была дана тѣмъ, что литовская диктатура существовала, какъ кусочекъ механизма парламентарной республики, оторвавшійся отъ своей основы: былъ президентъ республики, было министерство, не было только парламента, опредѣляющаго составъ и политику министерства. Кабинетъ осуществлялъ диктаторскую власть, министры зависѣли только отъ премьера, а премьеръ, повидимому, не зависѣлъ ни отъ кого. Отношенія между Вольдемарасомъ и президентомъ Сметоной были покрыты мракомъ, составляющимъ непремѣнную принадлежность диктаторскихъ режимовъ, но не вызывало сомнѣній, что диктаторъ является именно премьеръ, а не президентъ. Однако, на личность этого послѣдняго дала возможность Вольдемарасу мирно „подать въ отставку". Кризисъ режима совершается въ формѣ простого министерскаго кризиса. Но эта формальная сторона, конечно, не устраняетъ того факта, что если диктаторъ вынужденъ былъ уйти,—то, очевидно, потому, что онъ уже пересталъ быть диктаторомъ. И если вѣрно, что отсавка Вольдемараса была вынуждена разногласіями его съ президентомъ,—то это значитъ, что „реальное соотношеніе силъ" измѣнилось такимъ образомъ, что при наличности такого разногласія президентъ оказался сильнѣе всемогущаго вчера премьера.

О ближайшихъ причинахъ кризиса пока нѣтъ точныхъ свѣдѣній, но причины болѣе глубокія не вызываютъ сомнѣній. Диктатура не осуществила ни одной изъ тѣхъ цѣлей, которыми оправдывалось ея существованіе, — ни во внѣшней, ни во внутренней политикѣ. Диктаторскій режимъ воспринявъ основное стремленіе прежнихъ литовскихъ правительствъ: стремленіе къ возврату Вильны, — не только не добился ничего въ этомъ отношеніи, а вызвалъ общее отрицательное отношеніе въ Европѣ своей тактикой отказа отъ всякаго чисто-практическаго соглашенія съ Польшей относительно пограничныхъ сношеній и назойливыхъ жалобъ и обвиненій противъ Польши. Литовскія притязанія на Вильну не стали болѣе убѣдительными въ глазахъ Европы оттого, что эта же Вильна обратилась въ убѣжище политическихъ противниковъ Вольдемараса — литовскихъ эмигрантовъ. Благодаря диктатурѣ споръ о національныхъ правахъ на данную территорію перепутался съ претензіями диктатора на фактъ убѣжища, предоставляемаго сосѣднимъ государствомъ противникамъ безправнаго режима. Обвиненія польскаго правительства въ якобы подготовляемомъ послѣднимъ нападеніи на Литву смѣшивались съ обвиненіями того же правительства въ допущеніи имъ организацій литовскихъ революціонеровъ, будто бы подготовлявшихъ выступленія противъ диктатуры. Все это могло только ухудшить моральную позицію литовскаго правительства въ глазахъ Лиги Націй и европейскаго общественнаго мнѣнія.

Положеніе не улучшалось отъ той дружбы, которая существовала между „буржуазной" диктатурой, оправдывавшей государственный переворотъ, въ результатѣ котораго она возникла, необходимостью „борьбы съ большевизмомъ" и свирѣпо преслѣдовавшей даже умѣренныхъ соціалистовъ,—и диктатурой „пролетарской". Совѣтская власть усиленно „защищала независимость Литвы" своими методами. Періодически совѣтская печать начинала кампанію по поводу опасности, будто бы грозившей этой независимости, совѣтская власть обращалась къ Польшѣ и европейскимъ государствамъ съ предупрежденіями, рекламировавшими роль Москвы, какъ „протектора" Литвы, и въ восточной Европѣ создавалась общая атмосфера тревоги,—которой разумѣется пользовались представители дѣйствительно враждебныхъ Россіи теченій. Роль, которую при этомъ играла Литва, могла только вызвать къ ней общее подозрительное отношеніе.

Между тѣмъ, происходили и срывались безконечныя попытки наладить торговыя сношенія, черезъ виленскую границу, необходимыя прежде всего для экономической жизни самой Литвы. Тактика Вольдемараса приводила къ тому, что литовскія внѣшне-политическія стремленія обращались въ препятствіе для развитія литовскаго же народнаго хозяйства. Съ другой стороны, диктаторскій режимъ, установленный какъ временный порядокъ, не выказывалъ никакой склонности хоть сколько нибудь „нормализироваться". Страна, не обладающая серьезной военной мощью, жила въ атмосферѣ нелѣпаго милитаризма и военнаго произвола. А въ то же время, отношенія между диктаторомъ и военными кругами, приведшими его къ власти, значительно ухудшились, что выразилось въ отставкѣ самого автора переворота полк. Плеховича. Агитація противъ диктатуры не ослабѣвала, а усиливалась. Все чаще правительству приходилось бороться съ революціонно-террористическими выступленіями. Неудивительно, что среди умѣренныхъ круговъ, принявшихъ въ свое время диктатуру, какъ временный способъ установленія спокойствія и разрѣшенія наиболѣе острыхъ государственныхъ задачъ, создалось впечатлѣніе, что при продолженіи режима Вольдемараса нѣтъ никакихъ шансовъ ни на спокойствіе, ни на экономическое возрожденіе страны, ни на дѣйствительное обезпеченіе ея независимости и безопасности, возможное только на основѣ извѣстной системы международныхъ соглашеній и только при наличности правительства, которое могло бы расчитывать на довѣріе Европы.

Redaktor-Wydawca P. Ziemcow.

Редакторъ-Издатель П. Земцовъ

Drukarnia Synodalna. Warszawa-Praga, Zygmuntowska 13.